ХЭММОНД
ИННЕС
ЗАТЕРЯННЫЕ
ВО ЛЬДАХ
РОКОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Хэммонд Иннес

Затерянные во льдах. Роковая экспедиция

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17277290
Иннес Х. Затерянные во льдах. Роковая экспедиция : роман: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»; Харьков, Белгород; 2015
ISBN 978-966-14-8310-0, 978-5-9910-3111-0

Аннотация

Яхта «Дивайнер» отчаливает к суровым берегам Норвегии. Задача экспедиции – найти месторождение ценного минерала. Пропавший много лет назад ученый оставил таинственную подсказку, как его отыскать… Но в краю фьордов, гор и гигантских ледников участников экспедиции ждут суровые испытания. По их следу идет таинственный и опасный соперник… Кто первым найдет сокровище?

Содержание

Друзьям в Норвегии 5
Глава 1 6
Глава 2 19
Глава 3 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Хэммонд Иннес
Затерянные во льдах. Роковая экспедиция

Издание опубликовано при содействии The Peters, Fraser and Dunlop Group Ltd и The Van Lear Agency LLC

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Hammond Innes, 1948

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

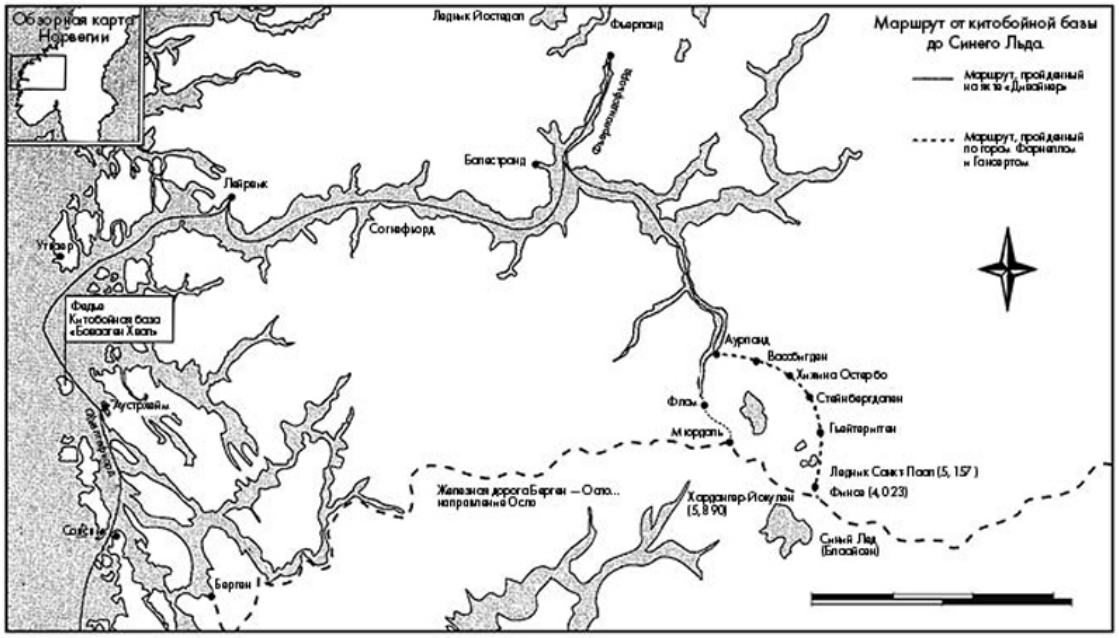
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

Друзьям в Норвегии

Одна из проблем, встающих перед любым писателем, – это достоверность исторического контекста. В случае с этой книгой мне пришлось обойти всю территорию, исследованную Джорджем Фарнеллом, включая длинный маршрут от Аурланда до Финсе через ледник Санкт-Паал.

В этой связи я хотел бы поблагодарить своих норвежских друзей, которые делали все, что было в их силах, чтобы мне помочь. Описание китобойной базы, в частности, стало возможным благодаря теплому гостеприимству моих друзей из Бломвааг Хвала.

В дополнение с описаниями маневров яхты мне очень помогли владельцы «Теодоры», пригласившие меня присоединиться к их экипажу на время больших океанских гонок – регаты Фастнет.



Глава 1
Дальнее плавание

На моем рабочем столе лежит осколок камня. Это серый матовый камень размером не более моего кулака, и он покоится на планах и чертежах нового предприятия. Рядом с ним лежит газетная вырезка с фотоснимком могилы и маленькой норвежской церкви на заднем плане. Планы принадлежат будущему, а газетная вырезка прошлому. Прошлое и будущее представляют собой часть Джорджа Фарнелла, потому что его история подобна тончайшей нити, соединяющей события, благодаря которым этот проект стал возможен. То, о чем он мечтал, обретает очертания там, у замерзшего озера. Если я выключу настольную лампу и отдерну шторы, то увижу недостроенные здания, сгорбившиеся под балдахином из снега. Позади них в холодной ночи возвышается Йокулен. А на ледниковом фланге гор Блаайсен – Синий Лед – отражает лунный свет своими ледяными челюстями и оскалом зубов. Это дикое и гиблое место. И все же сразу под моим окном подобно двум линиям мерцает железная дорога, дотянувшаяся сюда в 1908 году. Стоит задернуть шторы и включить свет, и вас тут же окружат тепло и уют, доказывающие неукротимость воли человека в покорении природы. Ночи сейчас длинные, и у меня есть время описать события, которые привели к этому новому предприятию, и историю Джорджа Фарнелла в том виде, в котором нам удалось ее воссоздать. Потому что это памятник его достижениям. И я хочу, чтобы мир знал, что все это существует благодаря ему.

Мое появление в этой истории объясняется моим знанием металлов. Но тогда я о металлах и думать забыл. Я думал о припасах и штормовых парусах, а также масле для дизеля и прочей атрибутике плавания на яхте. Я занимался тем, чем всегда мечтал заниматься. Я отправлялся в дальнее плавание на своем собственном судне.

Я совершенно отчетливо помню то утро. Было начало апреля, и холодный ветер взбивал грязную воду Темзы в белые барашки. На противоположном берегу реки на фоне рваных серых туч каменные башни Тауэра казались совсем белыми. Над нашими головами рокотал оживленным движением Тауэрский мост. Рабочие группами стояли у парапета, наблюдая за тем, как мы налегаем на новый грот. В воздухе стоял удушливый аромат солода. Чайки кружили с пронзительными криками. А около нас то и дело проскальзывали быстроходные суда.

Описать чувства восторга и предвкушения, владевшие моей душой в тот день, будет нелегко. Даже чайки, казалось, своими криками подгоняли нас, призывая торопиться. Ветер запальчиво трепал паруса яхты и ерошил волны, плескавшиеся о наш свежепокрашенный корпус, и торжествующе гудел в такелаже. Долгие поиски судна и месяцы переоснастки, а затем и кропотливого обеспечения яхты припасами – все это ради одного-единственного дня. Наступило напряженное ожидание. На рассвете нам предстояло воспользоваться отливом и скользнуть вниз по реке, чтобы затем взять курс в Средиземное море.

Всего месяц назад этот момент казался несбыточной мечтой. В этот период моя жизнь была подчинена решению проблем нехватки материалов и рабочих рук, руководству работами на яхте. Одновременно приходилось прочесывать зарубежные рынки, занимаясь делами фирмы. Моя должность называлась менеджер по производству компании «Би Эм энд Ай», занимавшейся заготовками металла и металлообработкой. Вскарабкаться в этот просторный офис в бетонном здании на окраине Бирмингема я сумел исключительно за счет целеустремленности и энергичности. Ну и, конечно, я был обязан этим шахте по добыче никеля, который я нашел в Канаде. Я занимался этим всю войну. И мне это нравилось. Но теперь с этим было покончено. Вы скажете, что в тридцатишестилетнем возрасте (а именно столько мне тогда было) неправильно все бросать, особенно учитывая хаос, в котором нахо-

дилась страна. Видите ли, по крови я наполовину канадец, и к тому же скряга по натуре. И я предпочитаю знать, с чем сражаюсь. Биться же, не имея свободы действий и под беспрестанным контролем, невозможно. Благодаря войне я смог дать волю своей предприимчивости. Мир тут же наложил на нее ограничения.

Дик Эверард – отличный пример того, о чем я говорю. Истинный сын Британии, высокий веснушчатый парень с копной светлых волос. Несгибаемой целеустремленностью и честностью он обязан дисциплине, царящей в военно-морском флоте, офицером которого он некогда являлся. В двадцать он был рядовым матросом, а к двадцати четырем годам дослужился до лейтенанта и взвалил на себя неподъемную ответственность, получив под свое начало патрульный корабль с экипажем и снаряжением стоимостью почти в миллион фунтов. Но сейчас, в свои двадцать восемь, он отказался от военной карьеры, всецело сосредоточившись на яхте. Двое остальных членов экипажа – Уилсон и Картер – совсем другое дело. Они просто нанятые нами матросы. Это их работа. Но у Дика нет работы. Он отправляется в море в поисках приключений, потому что у него нет лучших предложений, зато ему хочется увидеть и оценить возможности других стран.

Опершись на утлегарь, я наблюдал за тем, как ловко он крепит угол паруса к грота-гафелю, и мне невольно подумалось, как много теряет наша страна в лице таких, как он. Слишком многие ее уже покинули. Он встретился со мной взглядом и улыбнулся.

– Ну что, Билл, тяни, – предложил он.

С помощью Картера, налегшего на фал, мы подняли грот, и белоснежное полотнище затрепетало на фоне темных складов и пакгаузов.

– Все в порядке, – с довольным видом заявил Дик.

Я окинул взглядом выдраенную палубу. Все канаты были аккуратно свернуты, и все лежало на местах. Тускло поблескивали латунные детали. Это был изумительный корабль – двухмачтовое судно водоизмещением в пятьдесят тонн с гафельными парусами, построенное еще в те времена, когда корабли бороздили самые отдаленные моря-океаны. Я полностью сменил его внутреннюю отделку и поставил новую грот-мачту. Оснастка была новой, как и паруса, более мощный двигатель занял место запасного. Впервые с того времени, как окончилась война, я ощутил, что мир лежит у моих ног. У меня было все необходимое, включая запас топлива и экипаж, и в мире не нашлось бы места, куда меня не смог бы доставить мой «Дивайнер».

Дик прочел мои мысли.

– С попутным ветром мы уже через неделю окажемся на солнышке, – произнес он, щурясь на несущиеся по небу серые облака.

Я поднял голову и посмотрел на туристов, с завистью наблюдавших за нами с Тауэрского моста.

– Да, – согласился я. – В Алжире, Неаполе, Пирее, Порт-Саиде…

И тут я увидел сэра Клинтона Манна, который пересекал пристань. Сэр Клинтон – председатель правления «Би Эм энд Ай» – это высокий мужчина с сутулыми плечами и резковатыми манерами. Он пришел в бизнес из Сити и символизировал собой деньги и статистику. От пота и пыли производства он был далек, как член кабинета министров. Он взобрался на палубу, а я подумал, что в своей элегантной шляпе он гораздо уместнее смотрелся бы в Сити.

– Доброе утро, сэр Клинтон, – вслух произнес я, про себя недоумевая по поводу его появления.

Он холодно наблюдал за тем, как я иду ему навстречу, а я остро осознал, какой у меня грязный свитер, не говоря уже о брюках. Ранее я встречался с ним только в правлении банка.

– Возможно, вы хотите осмотреть судно, – предположил я.

– Нет, Гансерт, – покачал головой гость. – Я пришел по делу. Когда вы отправляетесь в плавание?

– Завтра, – ответил я, провожая его вглубь каюты. – С утренним отливом.

– Вы идете в Средиземное море?

Я кивнул.

– Я хочу, чтобы вы изменили планы, Гансерт, – неожиданно заявил он. – Я хочу, чтобы вместо этого вы отправились в Норвегию.

– Почему? – спросил я, ломая голову над этим странным заявлением. Я тут же спохватился и, чтобы он не успел принять мой вопрос за согласие, добавил: – Простите, сэр Клинтон, но у меня другие планы. Завтра я собираюсь в…

Он поднял руку.

– Сначала выслушайте меня, Гансерт, – попросил он. – Вы больше не связаны обязательствами с «Би Эм энд Ай». Мне это известно. Но невозможно посвятить предприятию восемь лет жизни и в какой-то степени с ним не сродниться. Взять хотя бы сплавы торитов. Начинали ими заниматься именно вы. Их стали применять в результате ваших усилий. И если бы мы могли приступить к полномасштабному производству…

– Это воздушные замки, – сообщил ему я. – И вы это знаете. Торит стоит денег. Но даже если бы вы раздобыли все деньги в мире, минерала слишком мало. Американскую добычу в расчет можно не брать, а это единственный известный источник…

– Вы уверены? – Он выудил из кармана пальто маленькую деревянную шкатулку и подвинул ее ко мне через стол. – В таком случае что это? – поинтересовался он.

Я поднял крышку. Внутри на ватной подушечке лежал кусок руды, похоже, металл. Я взял его двумя пальцами и подошел к окну.

– Где вы это взяли? – взволнованно поинтересовался я.

– Прежде всего, что это? – уточнил он.

– Я не могу этого утверждать, пока мы не сделаем анализ, – ответил ему я, – но я бы сказал, что это торит.

Он кивнул.

– Это торит, – подтвердил он. – Мы уже выполнили все пробы.

Я посмотрел в окно на дым и грязь лондонской реки. Я думал о длинных сборочных линиях, с которых сходит оборудование из сплавов торита, прочнее стали, легче алюминия, блестящее и неподвластное ржавчине. Если бы мы смогли добывать торит в сколько-нибудь значительных количествах, отступление Британии под напором Америки тут же прекратилось бы.

– Где это добыли? – спросил я.

Он снова уселся на свой стул.

– А вот этого я не знаю, – последовал ответ.

– Но не можете же вы не знать, откуда это привезли? – настаивал я.

Он кивнул.

– Откуда это привезли, мне действительно известно. – Его голос звучал сухо и безразлично. – Мне это прислал торговец рыбой из Хартлпула.

– Торговец рыбой из Хартлпула?

Я уставился на него в полной уверенности, что он шутит.

– Да, – подтвердил он. – Он нашел это в ящике с китовым мясом.

– Вы хотите сказать, это нашли в брюхе кита?

Я представил себе несметные залежи минералов, скрывающиеся под арктическими льдами.

– Нет, – ответил он. – Китовое мясо привезли из Норвегии. И этот кусок руды никогда не был в пищеварительных органах кита. Его положили в ящик, когда упаковывали мясо. –

Он помолчал и добавил: – Мы разузнали все, что только можно было выяснить отсюда. Мясо было частью груза, отправленного в Ньюкасл одной из норвежских береговых баз. – Он наклонился вперед. – Гансерт, мне необходимо ваше мнение. Кто у нас самый лучший специалист по Норвегии?

– Вы имеете в виду, по металлам? – уточнил я.

Он кивнул.

Мне незачем было задумываться. Я знал всех. Большинство из них были моими друзьями.

– В первую очередь Питчард, – начал я. – Эйнар Якобсен тоже хорош. Ну и еще этот шведский парень, Культс. Ах, да, еще, пожалуй, Уильямсон. Но для наших целей я бы выделил Питчарда.

– Это плохо, – покачал головой он. – Мы не единственные, кому об этом известно. «Дет Норске Стаалселскаб» тоже этим занимаются. Йоргенсен приехал в Англию за оборудованием. Он также пытается заключить договор о сотрудничестве с нами или «Кастлет Стил». По его утверждению, он обладает всей необходимой информацией, при этом нам предлагается войти в дело вслепую. Я ответил ему, что это невозможно, и он грозится обратиться к американцам. У нас нет времени на то, чтобы засылать туда Питчарда. Он может провести там несколько месяцев, но так ничего и не выяснить. Нам нужен человек, который сможет проконсультировать нас, базируясь на собственных знаниях.

– Есть только один человек, который мог бы это сделать, – со вздохом ответил я. – И, скорее всего, он уже умер. Но если бы он оказался жив, он смог бы ответить на все ваши вопросы. Он знает Норвегию… – Я замолчал и пожал плечами. – В этом и заключалась его проблема, – добавил я. – Он потратил на Норвегию слишком много времени, своего собственного времени, а помимо этого чужих денег.

Сэр Клинтон пристально смотрел на меня, и в его глазах блестело нечто, похожее на волнение.

– Вы говорите о Джордже Фарнелле, верно? – спросил он.

Я кивнул.

– Он исчез десять лет назад.

– Я знаю. – Пальцы сэра Клинтона выбивали дробь на кожаной поверхности портфеля. – Две недели назад наш представитель в Норвегии прислал телеграмму из Осло. Там ходят слухи о новых месторождениях минералов, обнаруженных где-то в центральной части страны. С этого момента я и начал разыскивать Джорджа Фарнелла. Его мать и отец уже умерли. Похоже, других родственников, как и друзей, у него не было. Те, кто знал его до вынесения приговора, ничего о нем не слышали с тех пор, как он исчез. Я подключил к розыскам детективное агентство. Безрезультатно. Тогда я поместил объявление в «Таймс».

– Это помогло? – спросил я, потому что он замолчал.

– Да, я получил несколько откликов, включая упомянутого торговца рыбой. Судя по всему, нынче «Таймс» читают и торговцы рыбой.

– Но что заставило его связать этот кусок руды с вашим объявлением?

– Вот это. – Сэр Клинтон протянул мне засаленный клочок бумаги, весь пропитанный кровью. Бумага засохла и растрескалась на сгибах. Сквозь красные пятна виднелись строчки какой-то записки, написанной витиеватым почерком. Две короткие строчки напоминали стихи и оканчивались чьей-то подписью.

Спустя десять лет! В это было трудно поверить.

– Полагаю, это его подпись? – спросил я.

– Да. – Сэр Клинтон подал мне второй листок бумаги. – Вот образец, – пояснил он.

Я сравнил обе подписи. Сомнений не было. Расплывшаяся и наполовину уничтоженная китовой кровью подпись на обрывке, присланном торговцем, была такой же размашистой и

замысловатой, как и образец. Я откинулся на спинку стула, думая о Джордже Фарнелле и о том, как он исчез, на полном ходу выпрыгнув из скорого поезда. Когда-то я работал с ним на разработках месторождений в Южной Родезии. Это был маленький смуглый и невероятно энергичный человечек – сгусток энергии за большими очками в роговой оправе. Он был крупным специалистом по цветным металлам и носился с идеей о невообразимых залежах минералов, скрытых в огромном горном массиве центральной Норвегии.

– Это означает, что он не умер и проживает в Норвегии, – медленно произнес я.

– К сожалению, вы ошибаетесь, – ответил сэр Клинтон, извлекая из портфеля газетную вырезку. – Фарнелл умер. Вот материал, опубликованный две недели назад. Я это тогда пропустил. Эта информация попала в поле моего зрения гораздо позже. Вот тут имеется фотография могилы. А с помощью норвежских военных мне удалось выяснить, что на самом деле Фарнелл служил в роте Линге под именем Бернт Ольсен.

Я взял в руки вырезку. «СБЕЖАВШИЙ ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В МОГИЛЕ ГЕРОЯ», – гласил заголовок. Черные буквы имени, Бернт Ольсен, отчетливо выделялись на фоне простого белого креста на фотографии. В глубине снимка виднелась маленькая деревянная церковь. В заметке говорилось о том, как Фарнелла обвинили в подделывании подписи компаньона, Винсента Клегга, и незаконном присвоении его денег в сумме десяти тысяч фунтов. Далее рассказывалось о побеге через окно вагонного туалета. Фарнелл спрыгнул с поезда, в котором его везли в Паркхерст, и словно испарился. Это произошло в августе 1939 года. Похоже, Фарнелл, воспользовавшись знанием норвежского языка, вступил в норвежские вооруженные силы под именем Бернта Ольсена. В декабре 1941 года в ходе военной операции он пропал. Один параграф был обведен синим карандашом.

«На Бойя Брае было обнаружено тело человека, позднее опознанного как Бернт Ольсен. Он в одиночку пытался пересечь Йостедал, самый большой ледник Европы. Судя по всему, несчастный случай произошел из-за того, что Бернт заблудился во время снежной бури. Должно быть, он упал с почти тысячефутовой высоты на Бойя Брае, с одной из лап главного ледника над Фьерландом. При нем были рудоискательные щупы и другие металлургические инструменты. Найденные при трупе документы позволили установить связь между героем войны Бернтом Ольсеном и заключенным Фарнеллом».

Заметка заканчивалась напыщенно и нравоучительно: «Таким образом, еще один сын Британии обрел славу в час величайшей нужды своей страны».

Я вернул заметку сэру Клинтону.

– Это произошло месяц назад? – спросил я.

Он кивнул:

– Да. Я проверил. Тело нашли десятого марта. Могила находится во Фьерланде. Это в самом начале фьорда, проходящего под Йостедалом. Вы прочитали то, что написано над подписью на этом клочке бумаги?

Я посмотрел на бумагу. Строки расплылись.

– Специалисты их уже расшифровали, – продолжал Клинтон. – Тут говорится: «Коль я погибну, думай лишь о том…»

– «О том», судя по всему, означает о торите? – поинтересовался я у сэра Клинтона. – Как там полностью? «Коль я погибну, думай лишь о том, что стал навек английским уголок»[1]. – Неужели приглашение? Но тут не говорится, где находится этот уголок. – Кому это было адресовано? – поинтересовался я.

– В этом вся проблема, – вздохнул сэр Клинтон. – Торговец уничтожил упаковку. Он сказал, что она была пропитана кровью и там все равно ничего невозможно было прочесть.

[1] Строка из военного сонета «Солдат», написанного в период Первой мировой войны английским поэтом Рупертом Бруком (1887–1915). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

– Жаль, – покачал головой я. – Если бы мы это узнали…

Я думал обо всех людях, мечтающих прибрать к рукам залежи торита. «Би Эм энд Ай» был не единственным концерном, производящим новые сплавы на основе торита.

– Он как будто что-то предчувствовал, – прошептал сэр Клинтон. – Иначе зачем бы он стал цитировать эти строчки Руперта Брука?

– В самом деле, зачем? – согласился я. – И зачем ему понадобилось сразу вслед за этим пойти и умереть на Йостедале?

Больше всего меня озадачило именно это. Фарнелл провел в горах Норвегии почти всю свою жизнь. Еще мальчишкой он ходил туда в походы. К двадцати годам он знал их лучше большинства норвежцев. И все то жаркое лето в Родезии он говорил почти исключительно о них. Норвегия была его Эльдорадо. Всю свою жизнь он посвятил поиску минералов в покрытых ледяной корой каменных цитаделях Скандинавии. И своего партнера он надул ради того, чтобы финансировать геологоразведочные экспедиции в Норвегию. Это выяснилось уже на суде. Я обернулся к сэру Чарльзу.

– Мы говорим о человеке, который выпрыгивает на полном ходу из поезда, а затем становится активным участником сопротивления. Вас не удивляет то, что он выжил после столь нехарактерных для него действий, а потом взял и погиб в привычной ситуации в местах, которые знает как свои пять пальцев?

Сэр Клинтон улыбнулся и поднялся на ноги.

– Он умер, – ответил он. – И говорить тут больше не о чем. Но перед смертью он кое-что обнаружил. Отправляясь на Йостедал, он знал, что его жизни угрожает опасность. Этим объясняются и присланный кусок руды, и записка. Где-то в Англии живет человек, который ожидает этот образец. – Он сложил газетную вырезку и сунул шкатулку с образцом торита обратно в карман пальто. – Нам необходимо выяснить, что именно он обнаружил перед смертью. – Он помолчал. – Сегодня понедельник. Ульвик – наш норвежский представитель – уже в пятницу будет во Фьерланде. Выясните все что можете о том, как умер Фарнелл, почему он был на Йостедале и, прежде всего, где он добыл этот образец торита. Излишне упоминать, что нашему представителю поручено покрыть все расходы, которые вы понесете в Норвегии. А мы не забудем, что в этом деле вы представляете нашу компанию как вольнонаемный работник.

Похоже, он не сомневался в том, что я изменю планы. Это не на шутку меня разозлило.

– Послушайте, сэр Клинтон, – произнес я, – я не нуждаюсь в деньгах, и вы забыли, что завтра я отправляюсь в Средиземное море.

Он обернулся в дверях каюты.

– Какая вам разница, Гансерт, куда плыть – в Средиземное море или Норвегию? – Он схватил меня за локоть. – Нам нужно, чтобы туда добрался человек, которому мы можем доверять, – произнес он. – Человек, знавший Фарнелла, и к тому же специалист по этим металлам. А самое главное – нам нужен человек, который понимает всю срочность и важность этого дела. Фарнелл умер. Я хочу знать, *что* он обнаружил незадолго до смерти. Я предлагаю вам цель для вашего плавания и необходимое количество иностранной валюты для вас лично. – Он кивнул и снова шагнул к двери. – Подумайте об этом, – произнес он, покидая каюту.

Я колебался. Он уже поднимался по трапу.

– Вы забыли газету, – напомнил я ему.

– Возможно, вам захочется ее почитать, – ответил он.

Я вышел вслед за ним на палубу.

– Удачи! – произнес он, поднимаясь по железной лестнице на причал.

Я стоял, провожая взглядом его высокую сутулую фигуру, пока она не затерялась среди пакгаузов. Вот чертов тип! Еще не хватало, чтобы он ломал все мои планы! К черту его и

его предложение – я все равно отправлюсь туда, где светит солнце, где тепло и все цветет. А потом я подумал о Фарнелле и о том, как он обнаружил пласт меди в месторождении, которое все считали выработанным. Ну с какой стати ему взять и вот так просто погибнуть на леднике?

– Чего хотел этот парень? – ворвался в мои размышления голос Дика.

Я вкратце рассказал ему о том, что произошло.

– Итак? – поднял брови Дик, когда я закончил. – На какой курс мы теперь ложимся? Средиземноморье или Норвегия? В его голосе слышалась горечь, как будто он уже смирился с разочарованием. Для него Норвегия была холодной и темной страной. Он мечтал о солнце и новых возможностях.

– Средиземноморье, – неожиданно решился я. – С поисками металлов покончено. – Ветер игриво гудел в снастях. Совсем скоро нам предстояло валяться на палубе, плавать в море и пить вино. – Сходи позаботься о том, чтобы цистерна с водой подошла к нам до того, как начнется отлив. Иначе мы останемся тут лежать в грязи, – поручил ему я и, развернувшись, вернулся в каюту. Остановившись у иллюминатора, я наблюдал за тем, как по реке, пользуясь отливом, спускается баржа. Почему все-таки Фарнелл умер на Йостедале? Этот вопрос не шел у меня из головы. Во время войны он, скорее всего, жил в горах. Он знал ледники как свои пять пальцев. Я покосился на стол. Газета, которую оставил на нем сэр Клинтон, все еще была там. Я читал заголовки, не понимая ни слова. Я думал о записке Фарнелла. *Коль я погибну…* Зачем ему понадобилось это цитировать?

Мое внимание привлекла заметка, отчеркнутая синим карандашом. Заголовок гласил:

«СПЕЦИАЛИСТ ПО МЕТАЛЛАМ ЕДЕТ НА МОГИЛУ ЗАКЛЮЧЕННОГО

Недавние сообщения о залежах минералов, обнаруженных в центральной Норвегии, снова привлекли внимание к смерти осужденного героя, Джорджа Фарнелла, тело которого месяц назад нашли на леднике Йостедал в Норвегии. Фарнелл был специалистом по норвежским металлам, в которых прежде всего заинтересованы компании “Кастлет Стил” и “Би Эм энд Ай”. Сэр Клинтон Манн, председатель правления корпорации “Би Эм энд Ай”, вчера заявил: “Вполне возможно, что Фарнелл что-то нашел. Мы намерены это выяснить”.

Поручить расследование решено “Большому” Биллу Гансерту, до недавнего времени занимавшему пост начальника производства на заводе сплавов цветных металлов “Би Эм энд Ай”, расположенном в Бирмингеме. Завтра он отплывает в Норвегию на борту собственной яхты “Дивайнер”, отложив запланированный средиземноморский круиз. Если кто-то располагает информацией, которая способна помочь Гансерту в его расследовании, вы можете сообщить ему об этом на борту его яхты, пришвартованной у причала господ Крауч и Крауч, на улице Херринг-Пикл, Лондон, неподалеку от Тауэрского моста».

Я возмущенно швырнул газету на стол. Какое он имеет право публиковать подобные статьи? Пытается принудить меня к согласию? Я размышлял о том, что смог прочитать о развалинах храмов Греции и Италии, о пирамидах и островах Эгейского моря, о холмах и городах Сицилии. В мире, наверное, почти не осталось мест, где я не побывал. Но я ничего не видел. Я только и делал, что гонялся за какими-то проклятыми металлами, постоянно спеша и перебегая с места на место, маленький винтик в огромной буровой установке. У меня никогда не было возможности остановиться там, где мне захочется, полежать на солнце и оглядеться вокруг. Я не знал ничего, кроме городов и рудников. Я взял газету и перечитал заметку. Затем я поднялся на палубу.

– Дик! – крикнул я. – Почему бы нам не выскользнуть отсюда с этим отливом? Или нас еще что-то удерживает в Лондоне?

– Удерживает? – удивленно откликнулся он. – Мы только что сели на дно. А что?

– Прочитай это, – отозвался я, протягивая ему газету.

Он прочитал и посмотрел на меня.

– Похоже, это означает, Норвегия?

– Нет, – ответил я. – Ничего подобного это не означает. Будь я проклят, если позволю втянуть себя в подобную историю.

– Как насчет Фарнелла? – пробормотал он.

– А что насчет Фарнелла?

– Если я не ошибаюсь, тебе очень хочется узнать, как он умудрился погибнуть на этом леднике, – предположил он.

Я кивнул. Он был прав. Я действительно хотел это знать.

– Интересно, явится к нам кто-нибудь с информацией или нет? – буркнул я.

– «Морнинг-Рекорд» читает четыре миллиона человек, – ответил Дик. – Кто-то из них захочет с тобой встретиться.

Он оказался прав. В течение следующего часа ко мне явились три журналиста, несколько психов, страховой агент и два парня, попросившихся на борт членами команды. В конце концов мне все это надоело. Я хотел зайти к таможенникам. Были у меня и другие неотложные встречи.

– Увидимся за ланчем в «Голове герцога», – сообщил я Дику.

И ушел, предоставив его заботам всех остальных гостей, случись им заявиться на яхту.

* * *

Войдя в паб, он вручил мне большой конверт.

– Это принес посыльный из «Би Эм энд Ай», – пояснил он. – От сэра Клинтона Манна.

– Тебя еще кто-нибудь донимал? – поинтересовался я, вскрывая конверт.

– Подкатывала парочка репортеров. Больше никого не было. Ах да, со мной мисс Сомерс. – Он обернулся, и я увидел за его спиной девушку. Она была высокой и светловолосой. – Мисс Сомерс, это Билл Гансерт.

Ее рукопожатие оказалось на удивление крепким. У нее были серые глаза, и в ней ощущалась странная напряженность, которую не сглаживала даже оживленная атмосфера бара.

– Что вы будете пить? – спросил я у нее.

– Светлый эль, пожалуйста, – ответила она.

У нее был мягкий глуховатый голос.

– Итак, мисс Сомерс, – обернулся я к ней, сделав заказ, – чем мы можем вам помочь?

– Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой в Норвегию.

Теперь напряженность перешла и в ее голос.

– В Норвегию? Но мы не идем в Норвегию. Дик должен был вас предупредить. Мы направляемся в Средиземное море. Вы, наверное, прочитали эту чертову статью в газете.

– Не понимаю, о чем вы, – возразила она. – Никакую газету я не читала. Сегодня утром мне позвонил сэр Клинтон Манн и велел прийти и повидаться с вами. Он сказал, что завтра вы отплываете в Норвегию.

– Видите ли, он ошибается. – Это прозвучало так резко, что она даже отшатнулась. – Зачем вам нужно в Норвегию? – уже мягче поинтересовался я.

– Сэр Клинтон сказал, что вы собираетесь расследовать обстоятельства смерти… Джорджа Фарнелла. – В ее глазах появилось страдальческое выражение. – Я бы тоже хотела туда поехать. Увидеть его могилу и… и узнать, как он умер.

Я подал ей пиво, всматриваясь в ее лицо.

– Вы знали Фарнелла?

Она кивнула:

– Да.

– До или после штурма Молёя?

– До. – Она отпила из бокала. – Я работала на роту Линге.

– Вы что-нибудь о нем после этого слышали?

– Нет, – поколебавшись, ответила она.

Я не стал докапываться до истины.

– Вы знали его как Джорджа Фарнелла или как Бернта Ольсена? – вместо этого спросил я.

– Как обоих, – ответила она. Внезапно она заговорила с таким жаром, как будто ожидание было выше ее сил. – Прошу вас, мистер Гансерт, я должна попасть в Норвегию. Это моя единственная возможность. Я должна узнать, что случилось. И я хочу… увидеть, где он похоронен. Вы ведь мне поможете, правда? Сэр Клинтон сказал, что вы идете в Норвегию. Пожалуйста, возьмите меня. Я не буду вам мешать. Я обещаю. Я привычна к яхтам. Я буду работать на борту, готовить еду – все, что угодно. Только возьмите меня с собой.

Я молчал и размышлял, пытаясь понять, что скрывается за этой мольбой. Что-то ею руководило, но что именно, она так и не сказала. Возможно, Фарнелл был ее любовником? Но этого было недостаточно, чтобы объяснить подобную настойчивость.

– Почему сэр Клинтон позвонил вам сегодня утром? – спросил я.

– Я вам уже сказала – чтобы сообщить мне о необходимости связаться с вами.

– Нет, – покачал головой я. – Я хотел спросить, откуда он знает, что вы в этом заинтересованы?

– А-а… Не так давно он поместил в «Таймс» объявление, на которое я ответила. Я встретилась с ним. Он рассчитывал, что мне что-то известно о деятельности Джорджа после войны.

– А вам что-то известно?

– Нет.

– Вы знали, что он металловед и специалист по Норвегии?

– Да, я это знала.

– Но вы ничего не слышали о том, что он, возможно, недавно сделал какое-то важное открытие в Норвегии?

И снова это едва уловимое колебание.

– Нет.

Воцарилось молчание. Внезапно Дик произнес:

– Билл, а что, если завтра, покинув Темзу, мы возьмем курс на Норвегию?

Я покосился на него. Видимо, он догадался, о чем я подумал, потому что поспешно добавил:

– Я хочу сказать, что этот тип Фарнелл меня заинтриговал.

Меня тоже. Я бросил взгляд на девушку. У нее было несколько удлиненное лицо, прямой нос и решительный подбородок. Это было волевое лицо. Она на мгновение встретилась со мной взглядом и отвела глаза. Я взял конверт и вытряхнул его содержимое на барную стойку. Девушка негромко ахнула. С выпавших на стойку фотографий на меня смотрел Джордж Фарнелл. Я быстро перебрал снимки. На одном он был таким, каким я знал его в Родезии – в рубашке хаки с открытым воротом. Тут были и фото, сделанные в полный рост, на которых Джордж был одет в деловой костюм и выглядел очень неуверенно, и копии фотографий на паспорт. На одном из снимков он был снят за работой и держал в руках рудоискательный щуп. Я вернулся к фотографиям на документы. С них смотрело на удивление напряженное лицо с длинными тонкими чертами, короткими, аккуратно подстриженными усами, редеющими темными волосами, довольно большими ушами и поблескивающими за стеклами очков в роговой оправе глазами. Дата на обороте гласила: «10 января 1936 года».

Тут также были фотографии из полицейских протоколов – в фас и профиль, сделанные после вынесения приговора, и снимки отпечатков его пальцев. Сэр Клинтон поработал на славу и ничего не упустил.

К фотографиям прилагалась записка.

«Все это может вам пригодиться. Я позвонил двоим людям, откликнувшимся на мое объявление в Таймс. Оба хотят к вам присоединиться. Девушка могла бы пригодиться, если вам удастся завоевать ее доверие. Сегодня утром со мной связался один норвежец. Он знал Фарнелла в Норвегии во время войны. Я посоветовал ему повидаться с вами сегодня в шесть вечера. Кроме того, я еще раз встретился с Йоргенсеном и сказал ему, что, прежде чем представить его предложение своему совету директоров, мне необходимо получить от него подробную информацию. Он говорил о никеле и уране! На принятие решения он дал мне двадцать четыре часа. В субботу он вылетает в Америку. Прошу вас держать меня в курсе всех событий».

Внизу подпись – Клинтон Манн.

Я передал записку Дику и допил свое пиво. Затем я смахнул фотографии Фарнелла обратно в конверт и сунул его в карман куртки.

– Увидимся позже, – кивнул я Дику. – И не отпускай мисс Сомерс. – Сделав шаг к двери, я остановился и обернулся. – Мисс Сомерс, – обратился я к девушке, – вы, случайно, не присутствовали на суде над Фарнеллом?

– Нет, – ответила она. – Тогда я его еще не знала.

В ее голосе слышалось искреннее удивление.

Я кивнул и вышел. Поймав такси, я направился в редакцию «Морнинг Рекордс», где заставил сотрудников архива откопать в библиотеке записи за август 1939 года. Процесс над Джорджем Фарнеллом освещался тут очень подробно. Прилагались фотографии Фарнелла и его партнера, Винсента Клегга, снимок Фарнелла с отцом и еще одна фотография – Фарнелла с рудоискательным щупом. Точно такой снимок я уже видел в пачке, переданной мне сэром Клинтоном.

Но хотя я внимательно прочитал все до единого параграфы, я не нашел ни единой строчки, хоть как-то проливающей свет на его смерть. Ни с одной стороны не было ни одного странного свидетеля. Все было очень гладко и убедительно. В 1936 году Фарнелл и Клегг открыли контору по оказанию услуг горнорудным предприятиям и успешно работали на протяжении трех лет. Затем Клегг, занимавшийся финансовой стороной предприятия, заметил, что партнер обналичил кое-какие чеки, о которых он не имел ни малейшего представления. Подпись на чеках выглядела очень похоже на настоящую. Речь шла о сумме почти в десять тысяч фунтов. Фарнелл сознался в том, что подделал подпись партнера. В подтверждение этого он заявил, что для работы в Норвегии, не связанной с деятельностью его фирмы, ему предстояли значительные расходы. Он был убежден в том, что в горах центральной Норвегии действительно скрываются ценные минералы. Но партнер отказался его финансировать. Поэтому ему пришлось действовать в одиночку. Его адвокат заявил, что он искренне считает подобное расходование денег разновидностью капиталовложения. Единственными свидетелями, не считая самих Фарнелла и Клегга, были сотрудники их конторы и некто Притчард, которого пригласили в качестве металловеда, попросив изложить свою точку зрения на потенциальные минеральные богатства Норвегии. В своей заключительной речи судья назвал Фарнелла «человеком, одержимым идеей». Фарнелла приговорили к шести годам тюрьмы.

Вот и все. Я закрыл папку и, выйдя на улицу, в ненастную суету Флит-стрит, вскочил в автобус, который шел в западном направлении. Все время, пока мы ехали по Стрэнду, я размышлял, но вовсе не о суде. У меня из головы не шла девушка. «Могла бы пригодиться, если вам удастся завоевать ее доверие». Возможно, сэр Клинтон был прав. Возможно, она

действительно что-то знает. Я вышел на Трафальгарской площади. В конторе пароходной компании «Берген» я поговорил с человеком, с которым несколько раз встречался на различных мероприятиях. Он дал мне рекомендации для людей из «Бергена» и норвежского правительства, которые могли мне пригодиться. Выйдя из конторы, я поспешил приобрести полный комплект адмиралтейских карт и лоций норвежского побережья.

День клонился к вечеру, когда я сел в автобус, доставивший меня в Сити, и перешел Темзу по Тауэрскому мосту. Замерев на несколько секунд у парапета, я полюбовался «Дивайнером». Снова был прилив, и палуба яхты почти поравнялась с причалом. С высокими мачтами и синим корпусом, она казалась мне прекрасной. Мне нетрудно было понять чувства тех, кто обычно стоял там, где сейчас находился я, глядя на мое судно. Выше по течению реки сиял закат, и в лучах заходящего солнца сырой и холодный воздух мерцал оранжевыми отблесками. В некоторых окнах высоких офисных зданий все еще горел свет. Раздался бой часов, и я посмотрел на свои наручные часы. Шесть часов. Я заторопился.

Я уже проходил между высокими пакгаузами, когда меня обогнало такси. Автомобиль остановился у причала. Расплатившись с водителем, из него вышел стройный, аккуратно одетый мужчина. Он неуверенно оглядывался по сторонам, когда я подошел к нему.

– Прошу прощения, – заговорил он. – Вы, случайно, не знаете, это яхта «Дивайнер»?

Он кивнул в сторону возвышающихся над пристанью стройных мачт. Мужчина был похож на американского бизнесмена, и его речь вполне соответствовала его облику, не считая едва заметных признаков чего-то похожего на валлийский акцент и необычайно четкой артикуляции всех звуков.

– Это она, – подтвердил я. – Что вам нужно?

– Я ищу мистера Гансерта, – ответил он.

– Я Гансерт, – сообщил ему я.

Его довольно тяжелые брови слегка приподнялись, но суховатые черты сохранили свою невыразительность.

– Хорошо, – отозвался он. – Меня зовут Йоргенсен. Возможно, вы обо мне слышали?

– Конечно, – подтвердил я и протянул ему руку.

Его кисть оказалась настолько вялой, что мне показалось, он пожал мне руку исключительно ради приличия.

– Я хотел бы с вами поговорить, – произнес он.

– Тогда пройдемте на борт, – пригласил я.

Когда я шагнул на палубу, из люка машинного отделения высунулась голова Картера с испачканным смазкой лицом.

– Где мистер Эверард? – спросил я у него.

– Внизу, в кают-компании, сэр, – ответил он. – С ним мисс Сомерс и еще какой-то мужчина. Он явился на борт с чемоданом, как будто собрался провести с нами выходные.

Я кивнул и спустился по трапу в каюту.

– Не ударьтесь головой, – предостерег я Йоргенсена.

Войдя в кают-компанию, где царил полумрак, я увидел мисс Сомерс, которая сидела напротив Дика. Рядом с ней стоял рыжеволосый, плотно сложенный мужчина, которого я тут же узнал.

– Если не ошибаюсь, Кертис Райт? – спросил я.

– Выходит, вы меня помните? – с довольным видом откликнулся он. – Знаете, вы были одним из немногих промышленников, которым мне нравилось наносить визиты, – добавил он, стискивая мою кисть в мощном рукопожатии. – Вы знали, что нам нужно, и работа двигалась.

Некоторое время этот человек отвечал за испытания нашего артиллерийского оборудования, будучи офицером регулярной армии, и время от времени посещал наши заводы.

– Это визит вежливости? – поинтересовался я. – Или ваше появление имеет отношение к Фарнеллу?

– Я насчет Фарнелла, – подтвердил он мою догадку. – Сегодня утром мне позвонил сэр Клинтон Манн.

– Вы знали Фарнелла? – спросил я у него.

– Да. Встречался с ним во время войны.

Внезапно я вспомнил о Йоргенсене. Представив своих гостей друг другу, я попросил Дика поручить Картеру включить нам свет. Я до сих пор не понимал, зачем сюда явился Йоргенсен.

– Скажите, мистер Йоргенсен, – обратился я к нему, – вы тоже пришли поговорить о Фарнелле?

Он улыбнулся.

– Нет, – ответил он. – Я пришел, чтобы поговорить о гораздо более важных вещах… и наедине.

– Разумеется, – кивнул я.

В это мгновение в каюту вернулся Дик.

– Там наверху довольно странный тип, – сообщил он мне. – Утверждает, что у него тут назначена встреча.

– Как его зовут? – спросил я.

– Меня зовут Дахлер, – донесся от двери низкий голос с иностранным акцентом, звук которого заставил Йоргенсена развернуться так быстро, как будто кто-то резко ткнул его в спину.

В дверях кают-компании неловко переминался с ноги на ногу невысокий человечек. Я не заметил, когда он там появился. Он как будто материализовался из воздуха. Его темный костюм сливался с тенями, и на этом темном фоне отчетливо выделялось белое пятно его лица под стального цвета седыми волосами. Он шагнул вперед, и я увидел, что одна рука у него парализована. Пронзительно засвистел двигатель. В кают-компании вспыхнул свет, и Дахлер резко остановился. Он увидел Йоргенсена. Черты его лица заострились, а в глазах вспыхнула неожиданная и безудержная ненависть. Он тут же улыбнулся, но эта улыбка была такой перекошенной, что у меня по спине пополз холодок.

– *God dag, Knut,* – произнес он, и я понял, что он говорит по-норвежски.

– Что вы здесь делаете? – вместо ответного приветствия произнес Йоргенсен.

В его голосе не осталось и следа прежней учтивости. Теперь в нем слышались гнев и даже угроза.

– Я пришел, чтобы поговорить с мистером Гансертом о Фарнелле.

Калека, запрокинув голову, в упор посмотрел на Йоргенсена. Затем он обернулся ко мне.

– Вы знали Фарнелла? – спросил он.

Его губы были по-прежнему искривлены в странной улыбке, и я внезапно понял, что его лицо тоже парализовано. Некоторые слова вызывали у него явные затруднения. Паралич привел к небольшим заминкам речи, и в уголке его рта собиралась слюна, поблескивавшая в свете лампы.

– Да, – ответил я. – Я с ним когда-то работал.

– Он вам нравился?

Задавая этот вопрос, он пристально наблюдал за моим лицом.

– Да, – ответил я. – А что?

– Я всегда стремлюсь понимать, чью сторону принимают люди, – тихо ответил он и снова посмотрел на Йоргенсена.

– Зачем вы сюда явились?

Вопрос Йоргенсена прозвучал так отрывисто и грубо, как будто он обращался к подчиненному.

Дахлер ничего не ответил. Он не двинулся с места. Он продолжал смотреть на Йоргенсена так, что от этой тишины атмосфера накалялась все сильнее. Казалось, этих двух людей связывает нечто, не нуждающееся в словах. Первым молчание нарушил Йоргенсен.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине, мистер Гансерт, – произнес он, оборачиваясь ко мне.

– Похоже, вы боитесь делать свои предложения открыто? – ядовито поинтересовался Дахлер. – Очень жаль, что здесь нет Фарнелла, который мог бы дать мистеру Гансерту дельный совет.

– Фарнелл мертв.

– В самом деле? – Дахлер резко подался вперед. Теперь он был похож на паука, выскочившего из угла своей паутины. – Что заставляет вас считать, что он умер?

Йоргенсен колебался. Я видел, что он в любую секунду может надеть шляпу и покинуть яхту. И я этого не хотел. Если бы я мог задержать Йоргенсена на борту… В этот момент я услышал звон сигнального колокола, донесшийся с Тауэрского моста. Мгновенно приняв решение, я шагнул к двери.

– Я пришел сюда не для того, чтобы разговаривать о Фарнелле, – произнес Йоргенсен.

Я выскользнул из каюты и взлетел по трапу.

От соседнего причала отходил трамповый пароход. Движение по Тауэрскому мосту прекратилось. Картер и Уилсон стояли у поручней и о чем-то беседовали.

– Картер, – окликнул я парня. – Двигатель теплый? Заведется с первого раза?

– О двигателе можете не волноваться, мистер Гансерт, – откликнулся он. – Заведется как миленький. Мне стоит только пальцами щелкнуть.

– Тогда заводи, – скомандовал я. – Трогаемся и как можно скорее.

Он нырнул в люк машинного отделения, а я приказал Уилсону отдать швартовы.

– Только тихо, – добавил я.

Он перепрыгнул через поручень, и спустя несколько секунд оба троса уже лежали на палубе.

Я скользнул на корму и встал к штурвалу. Двигатель два раза чихнул, а затем взревел и завелся.

– Полный назад, – скомандовал я Картеру.

Под нашей кормой вскипела вода, и мы начали движение. Как только мы отошли от причала, я подал команду «полный вперед» и резко повернул штурвал. Двигатель ревел, а лопасти винта вращались под водой, взбивая воду в пену. Длинный бушприт описал широкую дугу и замер, указывая на главный пролет Тауэрского моста.

Дик, спотыкаясь, взбежал по трапу на палубу. Ему на пятки наступал Йоргенсен.

– Что происходит? – воскликнул Йоргенсен. – Почему мы вышли в реку?

– Мы меняем место стоянки, – сообщил ему я.

– И где будет новое место стоянки? – подозрительно поинтересовался он.

– В Норвегии, – отозвался я.

Глава 2
Поворот через фордевинд

Когда я сообщил Йоргенсену, что мы взяли курс на Норвегию, он пришел в ярость. Отпихнув Дика, он бросился на корму, где я спокойно сидел за штурвалом.

– Немедленно поверните обратно, – потребовал он. – Я требую, чтобы меня высадили на берег.

Я промолчал. Над нами нависал центральный пролет Тауэрского моста. Два приподнятых крыла эхом отражали гул нашего двигателя. Мы прошли в открывшийся проем, совсем немного опередив пароход. Перед бушпритом распростерлась река, напоминая темную дорогу к морю. По обе стороны подобно пустым утесам возвышались пакгаузы. А позади светился Лондон. Зарево миллионов фонарей отражалось от низких туч, нависших над огромным городом.

– Вам это не сойдет с рук, Гансерт! – взвизгнул Йоргенсен.

На мгновение мне почудилось, что он собирается броситься на меня в попытке отобрать штурвал. Я ничего ему не ответил. Меня переполняло странное чувство восторга. Разумеется, это не могло сойти мне с рук. Я не мог просто взять и похитить человека. Но если бы мне удалось хитростью убедить его остаться на борту… если бы он встревожился настолько, что сам не захотел бы сходить на берег, опасаясь что-то упустить… Теперь со мной было трое людей, каждый из которых что-то знал о Фарнелле. В ограниченном пространстве яхты мне ничего не стоило выудить из них их истории. А если бы Йоргенсен остался со мной, вместо того чтобы вернуться в Америку, у меня появился бы неограниченный запас времени.

– Я в последний раз вас прошу, мистер Гансерт, – уже тише произнес он. – Если вас не затруднит, извольте доставить меня на берег.

Я поднял голову и посмотрел на него.

– Вы уверены, мистер Йоргенсен, что хотите сойти на берег? – спросил я.

– Что вы имеете в виду? – с искренним изумлением спросил он.

– Зачем вы пришли ко мне сегодня вечером? Что вам было нужно?

– Я хотел использовать ваше влияние на сэра Клинтона и убедить его сотрудничать с нами в разработке минеральных ресурсов моей страны.

Я впервые заметил, что он слегка картавит. Но это не делало его внешность женственной. Как раз напротив, усилия, которые он делал, чтобы произнести звук «р», придавали его речи особую выразительность.

– Я вам не верю, – напрямик заявил ему я. – Вы приехали ко мне, потому что хотели знать, что нам стало известно о Джордже Фарнелле.

– Это абсурд, – ответил он. – С чего бы мне интересоваться этим типом Фарнеллом? Возможно, когда-то он был хорош. Но десять лет – это долгий срок.

– Он провел большую часть этих десяти лет в Норвегии, – напомнил ему я. – И почему вы явились ко мне именно в шесть часов? – добавил я, помолчав.

Мне показалось, он задумался.

– Я был на конференции в Норвежском доме, – наконец произнес он. – Я не мог прийти раньше.

– Вы уверены, что пришли не потому, что сэр Клинтон сообщил вам о том, что в шесть часов я буду встречаться с людьми, которые знали Фарнелла? – Я заявил это наобум, но когда он не ответил, я добавил: – Вы ведь хотели знать, кто плывет со мной в Норвегию, не так ли?

– С какой стати?

– Потому что вы не меньше нас заинтересованы в Джордже Фарнелле, – ответил я.

– Это смешно, – фыркнул он. – Тут все помешались на этом Фарнелле, что ли? Этот человек уже умер.

– Тем не менее я получил от него сообщение.

Пристально наблюдая за его лицом, на которое падал свет из штурманской рубки, я увидел, как сощурились его глаза.

– Когда?

– Совсем недавно, – ответил я. Прежде, чем он успел задать свой следующий вопрос, я встал. – Дик, ты не мог бы сменить меня у штурвала? – окликнул я партнера и обернулся к Йоргенсену: – Разумеется, я не повезу вас в Норвегию против вашей воли. Но я прошу вас ненадолго спуститься со мной вниз и выслушать то, что я скажу.

Я развернулся и начал спускаться по трапу, ведущему в кают-компанию.

Кертис и мисс Сомерс сидели там же, где я их оставил. Дахлер мерял небольшое помещение быстрыми шагами. При моем появлении он резко развернулся.

– Скажите, мистер Гансерт, почему мы плывем вниз по реке? Если не возражаете, я хотел бы сойти на берег.

– Присядьте, – пригласил его я. Позади меня в дверях появился Йоргенсен. Пододвинув стул, я заставил его усесться. – Я высажу на берег всех, кто пожелает, – объявил им я. – Но прежде выслушайте меня. – Дахлер сидел за столом, опираясь на парализованную руку и пристально глядя на меня. – Так или иначе, но мы все собрались здесь по одной-единственной причине, – произнес я, обводя взглядом их лица. – И причина эта – смерть Джорджа Фарнелла.

Теперь все смотрели на меня, и я ощутил себя председателем какого-то невероятного совета директоров, хотя такой совет директоров можно было представить себе только в момент пробуждения от тяжелого похмельного сна. Публика, собравшаяся в моей кают-компании, была на удивление разношерстной. Но всех объединяли сильнейшие эмоции, наэлектризовавшие даже окружающий нас воздух. С виду передо мной сидело четыре самых обычных человека. Но я был убежден, что между ними существует какая-то странная взаимосвязь. И общим звеном был Джордж Фарнелл.

– Что касается меня самого, – снова заговорил я, – то меня не устраивает просто сообщение о смерти Джорджа Фарнелла. Я хочу точно знать, как это случилось. И я еду в Норвегию, чтобы это установить.

Я обернулся к Кертису Райту.

– Поскольку вы явились с вещами, вы, вероятно, желаете поехать с нами?

Он покосился в сторону девушки.

– Да, мне этого хотелось бы, – наконец ответил он.

– Почему? – спросил я.

Он улыбнулся.

– Ну, во-первых, у меня трехнедельный отпуск, и почему бы не провести его именно таким образом? С другой стороны, я хочу узнать больше о смерти Фарнелла. Он поручил мне доставить кое-какие сообщения. Видите ли, я был вместе с ним во время штурма Молёя.

– Почему вы не сделали этого сразу после штурма, когда узнали, что он пропал? – спросил я.

– Потому что я знал, что он не погиб, – последовал ответ. – Полагаю, нет смысла скрывать это от вас сейчас. Я должен был сразу об этом доложить. Но я этого не сделал. Мы ведь не всегда делаем то, что должны, когда служим в армии. Ну, а потом… мне это показалось лишним и бессмысленным.

Он замолчал. Никто не произнес ни слова. Все смотрели на него. Он вынул из кармана золотые часы и поигрывал ими, покачивая цепочку. Девушка смотрела на них как завороженная.

– Я действовал как связной между ротой Линге и людьми, штурмовавшими Молёй, – продолжал рассказывать он. – Перед самым штурмом Ольсен подошел ко мне и попросил кое-что передать на словах разным людям. «Но только когда ты будешь уверен, что я погиб, – добавил он. – Во время этого штурма я пропаду без вести». Я спросил его, что он имеет в виду, и он ответил: «Я выполню работу, которую мне приказано сделать. Но когда мои люди сойдут обратно на берег, я их там оставлю и вернусь в Норвегию один. Там у меня кое-какие дела. То, что я начал еще до войны. Это очень важно». Я спорил с ним, пытался переубедить, как офицер приказывал ему оставаться с его людьми. Но он только улыбнулся и сказал: «Простите, сэр. Возможно, когда-нибудь вы все поймете». Не мог же я арестовать солдата, которому через пять минут предстояло вступить в бой. Мне пришлось с этим смириться.

– И что случилось потом?

Этот вопрос задал Йоргенсен.

Кертис пожал плечами.

– О, он сделал так, как обещал. Он привел своих людей обратно на берег. Затем он сказал им, что должен вернуться за парнем, который пропал во время боя. Больше они его не видели, и нам пришлось покинуть остров без Ольсена. Если бы я решил, что он дезертировал, я бы доложил о его отсутствии. Но я убежден, что он этого не сделал. Он был не из тех, кто на это способен. Он был сильным. Не физически, но морально. Это было видно по его глазам.

Я наклонился вперед.

– Что это за дело было у него в Норвегии? – спросил я.

– Я не знаю, – ответил он. – Возможно, на самом деле это не было так уж важно. Но в чем я не сомневаюсь, так это в том, что это было важно для него.

Я посмотрел на Йоргенсена. Он наклонился вперед и не сводил глаз с Кертиса. Напротив него, в другом конце каюты, калека откинулся на спинку стула и тихонько улыбнулся.

– Ну а вы, мистер Дахлер, – обратился я к нему, – зачем вы здесь?

– Потому что я тоже желаю знать больше о том, как умер Фарнелл, – отозвался он.

– В таком случае почему вы желаете сойти на берег? – поинтересовался я. – Вы могли бы найти ответ, отправившись с нами во Фьерланд.

– Я бы очень этого хотел, – ответил он, – но, к сожалению…

Он не окончил фразу и пожал плечами.

– Так вы говорите, что вам этого хотелось бы? – озадаченно переспросил я.

Его пальцы перебирали ткань полупустого рукава.

– Видите ли, тут имеются определенные затруднения.

Его лицо жило своей напряженной жизнью, а тело выпрямилось, напоминая натянутую струну.

– Какие затруднения? – не выдержал я.

– Спросите у Йоргенсена.

В его голосе прозвучала злоба.

Я обернулся. Лицо Йоргенсена было белым как мел. Высохшая кожа оставалась неподвижной, как бесстрастная маска, но синие глаза сощурились и смотрели настороженно.

– Что, если вы обо всем расскажете сами? – предложил он.

Дахлер вскочил на ноги.

– Расскажу сам?! – крикнул он. – Ну уж нет. Почему я должен рассказывать о том, что больше не могу попасть в свою собственную страну?

Он отпихнул стул назад и шагнул к Йоргенсену. Затем он резко развернулся и пошел в другую сторону. Остановившись у двери в камбуз, он снова обернулся к нам. Его карие глаза смотрели на меня удивительно цепко.

– Я еду с вами, мистер Гансерт. Я в долгу перед Фарнеллом, – он бросил взгляд на Йоргенсена, – а я всегда возвращаю свои долги.

– Что это за долг? – спросил я.

– Он спас мне жизнь.

– Вы совершаете ошибку, Дахлер, – тихо произнес Йоргенсен. – В Норвегии вас ждет арест.

– Кому из своих сотрудников вы поручите донести на меня в этот раз? – презрительно фыркнул Дахлер. – Или вы сами выполните эту грязную работу? – Он медленно шел по комнате, наклонив голову в сторону Йоргенсена и слегка повернув ее в сторону. – Вам мало того, что вы уже сделали?

– Прошу вас, мистер Дахлер, присядьте, – попросил я его, кладя руку ему на плечо.

Он резко обернулся ко мне, и на его лице отразилась такая злоба, что на мгновение мне почудилось, будто он собирается укусить меня за руку. Вдруг он так же внезапно расслабился и сел на стул.

– Прошу прощения, – произнес он.

Я перевел взгляд на Йоргенсена.

– Поговорим о вас, мистер Йоргенсен. По вашим словам, вы явились сюда, чтобы обсудить возможности объединения усилий «Би Эм энд Ай» и вашей собственной компании. – Я наклонился к нему. – Как я вам уже сказал, я вам не верю. Вы здесь потому, что вы так же интересуетесь Фарнеллом, как и все мы. С сэром Клинтоном вы беседовали о залежах никеля и урана. Но это были лишь ваши догадки. На самом деле вы не знаете, какой металл обнаружили в Норвегии. – Я помолчал, а затем очень медленно произнес: – А я знаю, и это не никель и не уран. Что касается того, где находятся эти залежи, то у вас нет об этом ни малейшего представления. Ваш визит сюда – это чистейшей воды блеф.

– Так значит, вам известно, о каком металле идет речь? – Его глаза смотрели на меня так безразлично, что было совершенно невозможно понять, о чем он думает. – Вам об этом рассказал сам Фарнелл?

– Да, – ответил я.

– Когда он с вами связывался?

– Это сообщение прибыло после его смерти, – покачал головой я.

Девушка с легким возгласом подалась вперед. Дахлер пристально наблюдал за Йоргенсеном.

– Если вам так этого хочется, – продолжал я, – я высажу вас на берег. Но помните: здесь, в этой каюте, собрана вся правда о Фарнелле. Или, во всяком случае, такое ее количество, которое нам необходимо. Возвращайтесь в Штаты, я же возьму курс на Норвегию. – Я помолчал, глядя на него, а затем пошел к двери. – Подумайте об этом, – произнес я, прежде чем выйти из каюты. – Если хотите, я высажу вас в Гринвиче. Так что принимайте решение побыстрее. Минут через пять мы поравняемся с пристанью.

Закрыв за собой дверь, я поднялся на палубу. После ярко освещенной каюты тут было очень темно. Вокруг сияли огни. Сырой воздух приятно холодил лицо, а палуба вибрировала под ногами. Тихий плеск воды, рассекаемой корпусом яхты, приводил меня в восторг. Мы вышли в плавание.

Я прошел на корму, где за штурвалом замерла темная фигура Дика. На фоне сияющего Лондона отчетливо выделялись стройные очертания бизань-мачты.

– Я тебя сменю, – сообщил ему я. – А ты спускайся вниз и устрой наших пассажиров. Покажи им их каюты, выдай одеяла, простыни, одежду, все, что им понадобится. Займи их,

Дик, и держи Дахлера подальше от Йоргенсена. Покажи девушке камбуз, пусть соорудит что-нибудь поесть. Не позволяй им размышлять. Мне совершенно не нужно, чтобы кто-то из них, а в особенности Йоргенсен, подошел ко мне с просьбой позволить ему сойти на берег.

– Хорошо, шкипер, – кивнул он. – Сделаю все, что будет в моих силах.

– Ах, да, попроси их написать сообщения, которые мы передадим по радио, – добавил я вдогонку. – Объясни им, что у нас есть как передатчики, так и приемники.

– Понял, – откликнулся он, скрываясь в люке.

Накинув пальто, я занял место у штурвала. Уилсон сматывал канаты. Я окликнул его, и он пришел на корму. Родом из Корнуолла, он был уже не молод, что не мешало ему оставаться отличным моряком.

– Поставь кливер, – распорядился я. – Если ветер не усилится, он нам пригодится.

– Будет сделано, сэр, – отозвался он. Его обветренное лицо казалось красным в свете ходового огня левого борта. Он помолчал, а затем поинтересовался: – Правда ли то, что говорил мистер Эверард? То, что мы идем в Норвегию?

– Правда, – кивнул я. – А тебе не все равно, куда идти?

Его грубоватые черты расплылись в улыбке.

– В Норвегии рыбалка лучше, чем в Средиземном море.

Он сплюнул за борт, как будто желая подчеркнуть всю бесполезность Средиземного моря, и ушел на нос. Мой взгляд упал на стеньгу. На ней светился фонарь, указывающий на то, что мы парусник, идущий с включенным двигателем. Я устроился поудобнее, готовясь к длительному процессу прохождения устья Темзы. Мне не нужна была карта. Я столько раз проходил Темзу под парусом, как вверх, так и вниз по течению, что знал все повороты, бакены и приметы на берегу. Спускаться в устье с включенным двигателем было совсем несложной задачей. Единственное, что меня волновало, – останется ли на борту Йоргенсен.

Поэтому я вздохнул с облегчением, увидев, что мимо в темноте проплывает королевский морской колледж Гринвича. Йоргенсен не относился к нерешительным людям. Я сказал ему, что высажу его на берег в Гринвиче, если он того пожелает. Поскольку он такого желания не высказал, то, вполне вероятно, он решил остаться на яхте. Но, пока мы не обогнули Нор, у него оставался путь к отступлению.

Прошло полчаса, прежде чем Дик снова появился на палубе.

– Я их всех устроил, – сообщил мне он. Оглянувшись через плечо, он театральным шепотом добавил: – Хотите верьте, хотите нет, но великий промышленник Йоргенсен помогает Джилл готовить жратву.

– Я так понимаю, что Джилл – это мисс Сомерс?

– Совершенно верно. Она просто прелесть. Сразу взялась за дело и уже со всем разобралась.

– Где Дахлер? – спросил я.

– У себя в каюте. Я отвел его в одноместную каюту перед кают-компанией по правому борту. Девушку я разместил по левому борту. Йоргенсен будет теперь с вами, а Кертис Райт со мной. – Он показал мне несколько листков бумаги. – Мне это сейчас отправить?

– Что это?

– Сообщения для передачи.

– Оставь их в рубке, – кивнул я.

– Тут все предельно ясно, – добавил он. – Три от Йоргенсена, одно от Дахлера и еще одно от девушки.

– И все же я хотел бы сначала их пересмотреть, – ответил я. – И вернись к ним, Дик, если тебя не затруднит. Я не хочу, чтобы они оставались одни, пока мы не вышли в открытое море.

– Хорошо, – отозвался он и начал спускаться по трапу.

Неподвижно сидеть у штурвала было холодно, и время тянулось медленно. Мне не терпелось поскорее покинуть реку. Постепенно огни доков и складов по обоим берегам начали редеть, а вскоре их сменили огромные черные пространства заиленных берегов и полей. Мы разминулись с большим грузовым судном, медленно поднимавшимся вверх по течению Темзы. Его бортовые огни скользнули мимо нас, и не прошло и нескольких минут, как их полностью поглотила ночная тьма. Двигатель работал на полную мощность, и мы делали не меньше восьми узлов. Если добавить к этому скорость отлива, составлявшую около четырех узлов, то выходило, что мы движемся вниз по течению с очень неплохой скоростью. Дик прислал на палубу Уилсона, который принес мне и Картеру дымящиеся кружки кофе. К восьми часам мы оставили позади Тилбери и Грейвсенд, а полчаса спустя вдали завиднелись огни Саутенда. Мы уже вышли в устье, и яхту начало раскачивать. Ветер дул с юго-востока, и море сердито пенилось невысокими, но крутыми волнами, возмущенно шипевшими в темноте, рассекаемой нашим судном.

Дик присоединился ко мне как раз в тот момент, когда я заметил далеко впереди ритмичное моргание маяка Нор.

– Не нравится мне эта ночка, – заметил он. – Когда будем ставить паруса?

– Сначала необходимо выбраться и дойти до Нора, – ответил я. – Тогда с помощью сильного бокового ветра мы сможем лечь на курс. Как обстановка внизу?

– Отличная, – усмехнулся он. – Дахлер отправился к себе. Сказал, что моряк из него плохой. Райт и Йоргенсен обсуждают лыжи за бутылкой скотча. Девушка ушла переодеваться. Как насчет сегодня – будем разбивать время на вахты? Райту приходилось ходить на яхтах. Йоргенсен тоже утверждает, что сумеет справиться с небольшим судном.

Это было лучше, чем я ожидал. Управлять яхтой было совсем несложно, и вчетвером мы могли легко с ней справиться. Но если бы нам пришлось часто переставлять паруса, мы очень быстро вымотались бы и нам пришлось бы лечь в дрейф, чтобы отоспаться. А я хотел добраться до Норвегии как можно скорее.

– Правильно, – кивнул я. – Надо разбиться на вахты. Ты, Дик, бери на себя вахту по правому борту и Картера, Райта и Йоргенсена в помощь. На левом борту буду я с Уилсоном и девушкой.

Я разделил людей на вахты без лишних раздумий. Тем не менее для дальнейших событий это оказалось жизненно важно. Почти любой другой расклад привел бы к совершенно иным последствиям. Йоргенсен оказался бы на моей вахте. Но откуда мне было знать о той злобе, которая копится в недрах моего суденышка?

Передав штурвал Дику, я вошел в рубку, чтобы проложить курс. Я прочитал и отправил сообщения. Это были простые сообщения о том, что автор записки отправился в Норвегию. Джилл Сомерс уведомляла об этом своего отца. Дахлер известил об отъезде свой отель, а Йоргенсен – свои офисы в Лондоне и Осло. Выйдя из рубки, я обнаружил на палубе Райта, Йоргенсена и девушку. Они спорили о парусниках. До маяка Нор оставалось совсем немного, и каждый раз, когда луч его мощного прожектора, описывая полукруг, скользил в нашу сторону, он выхватывал из мрака все наше изящное суденышко.

– Примите штурвал, мисс Сомерс, – предложил я девушке. – Держите курс прямо против ветра.

Как только она сменила Дика, я позвал Картера, и мы подняли грот. Парус похрустывал в такт раскачивающейся мачте в зловещем красно-зеленом свечении ходовых фонарей по обе стороны рубки. Как только парус полностью развернулся и мы закрепили его, я приказал заглушить двигатель, а Джилл Сомерс поручил взять курс на северо-восток. Грот наполнился ветром, и яхта накренилась, набирая скорость. Вода вскипела под подветренным бортом. К тому времени как мы поставили кливер и бизань, старое судно мчалось со скоростью поезда, раскачиваясь на крутых волнах.

Я отправил Дика и его напарников по вахте вниз. Они должны были сменить нас в полночь. Уилсон укладывал такелаж внизу. Я остался наедине с девушкой. Ее руки сжимали штурвал, и она уверенно держала яхту на курсе, с легкостью преодолевая вырастающие перед нами волны. Свет от нактоуза озарял ее профиль, четко выделявшийся на фоне ревущей черноты моря. Светлые волосы развевались вокруг ее головы. Она была одета в свитер с высоким воротом и непромокаемую ветровку.

– Я вижу, что на судне вы в своей стихии, – заметил я.

Она рассмеялась. И, слушая этот звонкий смех, я понял, что и ветер, и качающаяся под ногами палуба доставляют ей удовольствие.

– Я давно не управляла яхтой, – ответила она. – Почти десять лет, – с едва заметной грустью в голосе добавила она.

– Десять лет? Где же вы этому научились?

– В Норвегии, – откликнулась она. – Моя мать норвежка. Мы жили в Осло. Папа был директором одной из китобойных компаний в Сандефьорде.

– Вы там познакомились с Фарнеллом? – спросил я.

Она быстро вскинула на меня глаза.

– Нет, – ответила она. – Я вам уже говорила. Я познакомилась с ним, когда работала на роту Линге. – Немного поколебавшись, она добавила: – Как вам кажется, почему бедный мистер Дахлер сомневается в обстоятельствах смерти Джорджа?

– Я не знаю, – ответил я. Меня это тоже озадачило. – Почему вы называете его бедным мистером Дахлером?

Она наклонилась вперед, присмотрелась к нактоузу, а затем немного перехватила штурвал.

– Он так много страдал. Эта рука… мне было больно увидеть его таким.

– Вы знали его прежде? – спросил я.

– Да. Очень давно. Он бывал у нас дома. – Она снова посмотрела на меня и улыбнулась. – Он меня не помнит. Я тогда была маленькой девочкой с косичками.

– Он вел какие-то дела с вашим отцом?

Когда она кивнула, я поинтересовался, каким бизнесом тогда занимался Дахлер.

– Судоходством и грузоперевозками, – ответила она. – У него был целый флот каботажных пароходов и несколько нефтяных танкеров. Его компания снабжала нас топливом. Поэтому он и приходил к моему отцу. У него также была доля в одной из наших китобойных баз, и им нравилось беседовать об этом. О китобойном бизнесе отец был готов говорить бесконечно.

– Почему Дахлер боится возвращаться в Норвегию? – спросил я. – Почему Йоргенсен сказал, что ему угрожает арест?

– Я не знаю. – Она нахмурилась, как будто пытаясь решить эту задачу. – Он всегда был очень мил. Постоянно привозил мне что-нибудь из Южной Америки. Он так и говорил, что танкеры нужны ему только для того, чтобы доставлять мои подарки. – Она рассмеялась. – Однажды он взял меня с собой кататься на лыжах. Сейчас по нему не скажешь, но когда-то он был отличным лыжником.

После этого мы надолго замолчали. Я пытался представить себе Дахлера таким, каким он был когда-то. Она тоже, видимо, погрузилась мыслями в прошлое. Внезапно она произнесла:

– Почему майор Райт до сих пор не передал радиограммы? – Похоже, ответа от меня она не ожидала, потому что тут же продолжила: – Все эти люди на борту вашего судна хотят взглянуть на его могилу? Это… не знаю почему, но меня это немного пугает.

– Вы хорошо его знали? – спросил я.

Она посмотрела на меня.

– Джорджа? Да, я знала его достаточно хорошо.

Немного поколебавшись, я спросил:

– Вам это о чем-нибудь говорит: «Коль я погибну, думай лишь о том…»?

Я не ожидал, что мой простой вопрос так ее потрясет. На несколько мгновений она замерла, как будто оцепенев. Затем, как и полагается человеку, находящемуся в трансе, она пробормотала оставшиеся две строчки: «…что стал навек английским уголок».

Она подняла на меня широко раскрытые от удивления глаза.

– Где вы это услышали? – спросила она. – Как вы узнали… – Она замолчала и сосредоточенно уставилась на компас. – Простите, я сбилась с курса.

Шум ветра и моря почти полностью заглушали ее голос. Она повернула штурвал, и яхта накренилась. Зашипела вода, и я ощутил, как ветер всей тяжестью навалился на полотнище паруса.

– Почему вы цитируете мне Руперта Брука? – Ее голос звучал твердо, и я чувствовал, каких усилий ей стоит его контролировать. Затем она снова подняла на меня глаза. – Эти слова были в записке?

– Да, – кивнул я.

Она повернула голову, глядя в темноту.

– Значит, он знал о том, что умрет. – Эти произнесенные шепотом слова я услышал только благодаря отнесшему их в мою сторону ветру. – Почему он прислал это сообщение вам? – спросила она, неожиданно оборачиваясь ко мне и испытующе вглядываясь в мое лицо.

– Он прислал его не мне, – отозвался я. – Я не знаю, кому оно предназначалось. – Она промолчала, и я поинтересовался: – Когда вы видели его в последний раз?

– Я вам уже говорила, – пробормотала она. – Я познакомилась с ним, когда он служил в роте Линге. А потом он отправился на штурм Молёя. Он… он не вернулся.

– И вы его больше никогда не видели?

Она рассмеялась.

– Столько вопросов. – Ее смех затих. – Давайте больше не будем об этом говорить.

– Вы к нему привязались, не так ли? – не унимался я.

– Прошу вас, – произнесла она. – Он умер. Говорить больше не о чем.

– Если вы так в этом уверены, – возразил я, – почему вы явились ко мне сегодня утром уже с вещами и полностью готовая к отъезду в Норвегию? Неужели это объясняется всего лишь сентиментальным желанием увидеть его могилу?

– Я этого не хочу! – с неожиданной горячностью воскликнула она. – Глаза бы мои ее не видели.

– В таком случае почему вы здесь? – повторил я свой вопрос.

Похоже, она собиралась бросить мне в ответ какую-то резкость, но внезапно передумала и отвернулась.

– Я не знаю, – прошептала она.

Она произнесла это так тихо, что ветер успел отнести ее слова прежде, чем я убедился в том, что не ослышался.

– Вы не встанете к штурвалу? – внезапно попросила она меня. – Я на минуту спущусь вниз.

На этом наша беседа оборвалась. Снова поднявшись на палубу, она остановилась немного поодаль. Свет ходового фонаря выхватывал из темноты ее высокую грациозную фигуру, которую не скрывала даже мешковатая куртка. Я видел, как ветер трепал ее волосы, а сама она ритмично покачивалась в такт качке. Я сидел у штурвала, беседовал с находящимся в рубке Уилсоном и спрашивал себя, что ей известно и кем был для нее Фарнелл.

Мы приблизились к затонувшему плавучему маяку. Я изменил курс на плавучий маяк Смитс-Нолл. Час спустя мы позвали вахту правого борта. Я также сделал запись в судовом

журнале и отметил наш курс на карте. С того момента как мы подняли паруса, мы делали не меньше восьми с половиной узлов в час.

– Курс на северо-восток, – произнес я, передавая штурвал Дику.

Он рассеянно кивнул. Он всегда бывал таким в первый день плавания. За шесть лет, которые он прослужил на королевском флоте, он так и не сумел побороть морскую болезнь. Райт тоже чувствовал себя неважно. Его позеленевшее лицо покрывала испарина, и на фоне его бледности рыжая шевелюра полыхала огнем в тусклом освещении рубки. Йоргенсен, облаченный в позаимствованные у нас свитера и непромокаемую куртку, казалось, не замечает качки, так же как и Картер, который столько лет провел в кочегарках и машинных отделениях престарелых пароходов, что ему все было нипочем.

Мою вахту вызвали наверх в четыре часа утра. Ветер усилился до пяти баллов, но яхта теперь шла даже легче. Я обратил внимание на то, что часть парусов убрана. Тем не менее качка оставалась достаточно сильной. Волны были такими высокими, что «Дивайнер» вонзал в них бушприт, как матадор шпагу. Весь день ветер дул с юго-востока, позволяя нам пересекать Северное море с приличной скоростью в семь, а то и восемь узлов. К заходу солнца мы преодолели сто пятьдесят пять миль из того расстояния, которое отделяло нас от побережья Норвегии. Яхта мчалась вперед так уверенно, как будто участвовала в океанских гонках. Это стремительное скольжение под парусами настолько меня захватило, что я почти забыл, зачем мы идем в Норвегию. Прогноз погоды беспрестанно угрожал штормом, и незадолго до полуночи нам снова пришлось сократить площадь парусов. К следующему утру ветер немного стих и задул с северо-востока. Мы ушли в крутой бейдевинд, что позволило нам продолжить свой путь против ветра.

За прошедшие два дня я сумел довольно близко познакомиться с Джилл Сомерс. Этой высокой и стройной девушке было двадцать шесть лет, и, несмотря на всю свою деятельную натуру, в критической ситуации она умела сохранять ледяное спокойствие. Она не была красивой в общепринятом смысле этого слова, но мальчишеская легкость ее движений и жажда жизни наделяли весь ее облик своеобразной красотой. Ее обаяние заключалось в ее манерах, а также в том, как легко ее довольно полные губы расплывались в улыбке, которая всегда была слегка кривоватой. И когда она улыбалась, улыбались и ее глаза. Она обожала ходить под парусом, и мы оба настолько наслаждались ощущением ветра, стремительно увлекающего нас вперед, что напрочь забыли о Джордже Фарнелле. Его имя было упомянуто лишь однажды. Она рассказывала мне о том, как они с отцом выбирались из Норвегии перед самым немецким вторжением и как, проведя всего несколько месяцев в Англии, она через норвежские военные власти в Лондоне связалась с ротой Линге и начала работать на Сопротивление.

– Я просто должна была что-то делать, – рассказывала она. – Я хотела участвовать в этом вместе со всеми. Папа все устроил. Он работал в норвежской судоходной и торговой миссии в Лондоне. Я отправилась на север, в Шотландию, и сразу же приступила к работе в их штаб-квартире. Я и еще пять девушек круглые сутки по очереди дежурили в радиоэфире. Именно там я и познакомилась с Бернтом Ольсеном.

– Вы знали, что его настоящее имя Джордж Фарнелл? – спросил я.

– Тогда еще нет. Но он был темноволосым и невысоким, и однажды я спросила у него, действительно ли он норвежец. Тогда он и назвал мне свое настоящее имя.

– Сообщил ли он вам о том, что является беглым заключенным? – спросил я.

– Да, – ответила она, улыбаясь собственным мыслям. – Тогда он поведал мне о себе все, что только можно было рассказать.

– И вас это нисколько не обеспокоило? – поинтересовался я.

– Конечно нет, – откликнулась она. – Мы были на войне. И он готовился к участию в одном из наших первых и самых отчаянных штурмов того, что на тот момент являлось вражеской территорией. Три месяца спустя он отправился в Норвегию, на штурм Молёя.

– Он очень много для вас значил, верно, Джилл? – спросил я.

Она кивнула и, немного помолчав, добавила:

– Да, он очень много для меня значил. Он был более серьезным и более сдержанным, чем все остальные, и очень сильно от них отличался. Казалось, у него в этой жизни есть какая-то миссия. Вы понимаете, о чем я говорю? Он носил военную форму и упорно тренировался, готовясь к опасному заданию. И тем не менее он не имел ко всему этому никакого отношения. Мыслями он был где-то очень далеко.

Именно это описание Фарнелла накануне штурма Молёя заинтриговало меня больше всего. Фарнелла интересовали только металлы. В отношении металлов он был таким же творцом, как живописец или музыкант. Война и его собственная жизнь весили очень мало на этих весах, на второй чаше которых лежал восторг от обнаружения новых залежей. Описание Бернта Ольсена во время штурма Молёя, предоставленное Кертисом Райтом, и рассказ Джилл о его поведении накануне высадки окончательно убедили меня в том, что Фарнелл напал на след новых металлов в горах Норвегии.

Больше о Фарнелле мы не говорили. Во время вахты мы были всецело поглощены управлением яхтой. Если вы никогда не ходили под парусами, вам трудно понять, сколько внимания и усилий требует этот процесс. Постоянно необходимо что-то делать, особенно капитану. Когда я не стоял у штурвала, я заносил в судовой журнал данные о нашем местоположении, которое прежде нужно было рассчитать. Я также должен был в определенное время выходить в радиоэфир, слушать прогноз погоды, проверять паруса. И над всем этим нависал тяжкий груз сонливости, особенно во время вахт, приходящихся на раннее утро.

Возможности поближе познакомиться с Йоргенсеном или Райтом у меня не было, как и поговорить с ними о Фарнелле. Пока дул ветер, вахты беспрестанно сменяли друг друга. Вахта, освободившаяся от дежурства на палубе, тут же спускалась в каюты. Днем работы тоже хватало, начиная от приготовления еды и заканчивая мелкими хозяйственными хлопотами. Время от времени отдыхающую вахту приходилось будить и звать на помощь, чтобы переставить паруса. Все, что я успел заметить за эти первые два дня, так это то, что Йоргенсен – первоклассный моряк и, похоже, в буквальном смысле слова наслаждается нашим плаванием. Что касается Кертиса Райта, то он тоже довольно быстро освоился на яхте.

На третий день ветер снова сменил направление и снова стал юго-восточным. Нам довелось отпустить последний риф и поставить главный топсель. Крутые волны сменились длинными и плавными. К этому времени мы прошли уже четыреста миль. Светило яркое солнце, и нам начали встречаться траулеры Абердинского флота. Над ними кружили чайки, время от времени над встрепанными волнами проносился буревестник, почти касаясь крыльями воды и напоминая летучую рыбу.

Именно в это утро все и началось. Нам удалось расслабиться и подумать о чем-то, кроме парусов. В полдень я передал штурвал Йоргенсену. Дик заявил, что будет дежурить две вахты подряд, желая воспользоваться этим временем для того, чтобы снять главный топсель и заменить заклинивший вертлюг. Впервые за все время с момента выхода из Лондона я остался с норвежцем наедине.

– Курс двадцать пять градусов северной широты, – сообщил я ему, на негнущихся ногах выбираясь из кресла.

Он кивнул и встал к штурвалу, присматриваясь к компасу. Затем он поднял глаза на группу людей, которые возились с гарделями возле грот-мачты. Наконец его взгляд остановился на мне.

– Можно вас на минутку, мистер Гансерт? – произнес он, потому что я уже шел к мачте, чтобы тоже приняться за гардели. Я остановился, а он продолжал: – Это путешествие идет на пользу моему здоровью. Но я не думаю, что то же самое можно сказать о моем бизнесе. Если только нам не удастся с вами договориться.

– Вы о чем? – спросил я.

Он откинулся на спинку сиденья, легко удерживая штурвал своими сильными пальцами.

– Должен признаться, что я был не вполне честен с вами, когда говорил, что меня не интересует Фарнелл. Интересует. И особенно сейчас, когда мне стало известно, что недавно вы получили от него некое послание. Полагаю, он сообщил вам о том, что в Норвегии было сделано важное открытие? Там обнаружили какие-то ценные минералы?

Смысла отрицать это не было.

– Послание это подразумевало, – ответил я.

– Он вам сообщил, какой именно минерал обнаружил? – спросил он.

Я кивнул.

– Да, – ответил я. – И прислал образцы.

– Полагаю, по почте? – прищурился Йоргенсен, не сводя с меня внимательного взгляда.

Я улыбнулся.

– Его метод передачи информации оказался гораздо менее традиционным, – покачал головой я. – Впрочем, я думаю, вам важно знать главное – образцы благополучно попали ко мне.

– И вы знаете места залежей этого минерала?

Я не видел оснований разубеждать его в том, что выглядело вполне логично.

– Без этой информации толку от этих образцов было бы не много, – хмыкнул я.

– Полагаю, мы могли бы прийти к некоему соглашению, – немного поколебавшись, продолжал норвежец. – Что, если мы направимся прямиком в Берген? Там я смог бы сделать вам конкретные предложения. А вы смогли бы привлечь сэра Клинтона…

Он замолчал, глядя куда-то поверх моего плеча. Я обернулся. У люка трапа, ведущего в кают-компанию, стоял Дахлер. Я не видел его с того момента, как мы вышли из Темзы, не считая одного случая, когда я столкнулся с ним в сумерках на палубе. Все это время за ним ухаживала Джилл. Солнце вышло из-за тучи, и в ярком свете солнечных лучей его изборожденное морщинами лицо показалось серым. Он был одет в свитер Дика, который был ему слишком велик, и старые серые брюки с подвернутыми штанинами. Он смотрел на Йоргенсена. Я в очередной раз ощутил вражду, вспыхивающую при встрече этих людей. Дахлер неуклюже зашагал по раскачивающейся палубе. Должно быть, он услышал слова Йоргенсена, потому что произнес:

– Так значит, уже дошло до стадии конкретных предложений?

– А вам какое дело? – резко ответил Йоргенсен.

– Никакого, – ответил калека, улыбаясь своей кривоватой улыбкой. – Просто интересно. Вы похожи на собаку, которая защищает свою кость. Вы ее закопали, но все равно боитесь, что придет другая собака и откопает. Вы расспрашивали даже мисс Сомерс.

Йоргенсен ничего не ответил. Он смотрел на собеседника со странной сосредоточенностью, и его щека нервно подергивалась.

– Я сказал ей, чтобы она ничего вам не говорила, – продолжал Дахлер.

– С каких это пор вы стали ее опекуном? – презрительно усмехнулся Йоргенсен.

– Я был другом ее отца, – ответил калека. – К счастью, вам ничего не удалось из нее выудить. Как и из майора Райта. – Он улыбнулся. – Да, вы не знали, что дверь моей каюты закрыта неплотно. – Он обернулся ко мне. – Мистер Гансерт, прежде чем вы будете обсуж-

дать с ним конкретные предложения, было бы неплохо, если бы вы выяснили у него, что он знает о Джордже Фарнелле.

Йоргенсен с такой силой стиснул штурвал, что у него даже костяшки пальцев побелели.

– Почему вас так интересует Фарнелл? – спросил он у Дахлера.

Сильная качка заставила калеку опереться на крышу рубки.

– Бернт Ольсен вывел нас из Финсе. – Внезапно он наклонился вперед. – Он также сообщил мне о том, кто поручил немцам совершить в ту ночь налет на мой дом. Вы не знали, что мне об этом известно?

– В ваш дом пришли потому, что вы слишком много болтали о своей мифической деятельности.

– Насколько я понимаю, Мюеллер, ваш представитель в Бергене, не имел к этому никакого отношения?

– Если и имел, то он расплачивается за это шестилетним сроком в тюрьме по обвинению в сотрудничестве с немцами.

– Он всего лишь сделал то, что ему приказали сделать вы.

– *Det er logn*, – от волнения Йоргенсен перешел на норвежский.

Его лицо раскраснелось от гнева.

– Это не ложь, – возразил Дахлер.

– Тогда докажите это.

– Доказать? – Дахлер улыбнулся. – Для этого я здесь, Кнут. Я собираюсь это доказать. Я собираюсь доказать, что вы должны отбывать срок вместо Мюеллера. Когда я найду Фарнелла…

– Фарнелл мертв, – резко оборвал его Йоргенсен, совладав с волнением.

Дахлер молчал. Это краткое напоминание о том, что Фарнелл умер, похоже, потрясло его до глубины души. Он повернулся и побрел обратно к трапу. Вдруг он остановился и снова развернулся к нам.

– Мистер Гансерт, – обратился он ко мне, – прежде чем вы начнете обсуждать его предложения, вспомните, что до определенного момента он работал на немцев, причем делал это так же усердно, как позднее сотрудничал с британцами.

С этими словами он скрылся в люке.

Вдруг раздался окрик Дика:

– Следите за курсом!

Яхта развернулась носом к ветру, и все паруса неистово хлопали у нас над головой. Йоргенсен немедленно вернул судно на курс. Затем он вздохнул.

– Вот что происходит, мистер Гансерт, – тихо произнес он, – в стране, которая была оккупирована.

Я промолчал, и спустя мгновение он продолжил:

– До войны мы с Яном Дахлером вместе занимались бизнесом. Его танкеры снабжали мой металлургический завод. Но теперь… – Он пожал плечами. – Он вел себя глупо. Он помог кое-каким британским агентам, а затем принялся об этом болтать. Мюеллер на него донес, и теперь он во всем винит меня. Что касается его побега из Финсе… – Он поднял голову и посмотрел на меня. – Один немецкий офицер признался в том, что ценой его побега стала определенная информация, в которой они нуждались. Эта информация касалась новых видов морских двигателей, разработанных моими инженерами. Эти чертежи были «утеряны», когда Норвегию оккупировали немцы. Но Дахлеру было о них известно, потому что я пообещал оснастить этими двигателями его танкеры, прежде чем принимать другие заказы. И… в общем, произошла утечка информации, и чертежи у нас изъяли.

– И это была работа Дахлера? – спросил я.

– Доказательств этого нет, не считая слов немецкого офицера, которого наша разведка расколола во время перекрестного допроса. Но чертежи у нас потребовали сразу после побега Дахлера из Финсе. Именно поэтому власти и не хотят снова видеть его в Норвегии.

– Что он делал в Финсе? – спросил я.

– Принудительные работы, – ответил Йоргенсен. – Немцам взбрело в голову, что они сумеют построить на Йокулене аэродром. – Он вытащил сигарету и закурил. – Теперь, мистер Гансерт, вы понимаете, как обстоят дела? Чтобы прикрыть свою собственную вину, он вынужден сам выдвигать обвинения. Кроме того… – он заколебался, – проблема также заключается в том, что во время оккупации человек моего положения неизбежно попадает в неловкое положение. Я должен был изображать дружбу с немцами для того, чтобы иметь возможность продолжать работать на освобождение моей страны. Если бы они перестали мне доверять, от меня не было бы никакого толка. Многие из тех, кто не знает, чем я занимался на самом деле, готовы поверить в то, что я поддерживал немцев. Вот почему я теряю самообладание, когда слышу, как такие люди, как Дахлер, выдвигают против меня совершенно необоснованные обвинения. Я знаю, в каком уязвимом положении я оказался из-за своей работы. – Он грустно улыбнулся. – Я подумал, что будет лучше, если вы об этом узнаете. – Немного помолчав, он добавил: – Ну, а теперь как насчет того, чтобы отправиться непосредственно в Берген и уладить там все дела?

Я колебался. Мне не давали покоя два факта. Один заключался в том, что во время войны Фарнелл какое-то время находился в Финсе. Второй касался того, что Йоргенсен больше не диктовал условия «Би Эм энд Ай», а выпрашивал их. Я посмотрел вперед в поисках предлога прервать этот разговор. Дик пытался поднять топсель, но парус за что-то зацепился.

– Держи его, – крикнул я. – Ты не освободил топенант. Мы поговорим об этом позже, – сказал я Йоргенсену и поспешил на выручку Дику и его вахте.

Как только топсель благополучно подняли, закрепив все снасти надлежащим образом, я спустился в кают-компанию, чтобы поесть. Мне было необходимо время, чтобы обдумать причины таких внезапных перемен в намерениях Йоргенсена. Когда я вошел, там был только Дахлер. Джилл выглянула из-за двери камбуза.

– Уже четыре? – спросила она.

Я кивнул, не сводя глаз с Дахлера. Он покачивался взад-вперед в такт движениям яхты.

– Вам не показалось, что с Йоргенсеном это было немного чересчур? – поинтересовался я.

– Чересчур? – Он усмехнулся. – Кнут Йоргенсен – это такой человек… – Он поколебался, но затем все же добавил: – Он бизнесмен. – Он наклонился ко мне через раскачивающийся стол. – Вот что я вам скажу, мистер Гансерт. Норвежец может быть опасен, только если этот норвежец бизнесмен. Я норвежец и бизнесмен. Так что я знаю. Мы открытые и приветливые люди… пока не доходит до бизнеса.

– И что тогда? – спросил я.

Здоровой рукой он вцепился в рукав моей куртки.

– И тогда возможно все, – ответил он.

То, как он это произнес, заставило меня похолодеть. Тут вошла Джилл, и сразу же все снова вернулось в рамки нормальности. Но после еды, когда я ушел в свою каюту спать, передо мной снова всплыла сцена, разыгравшаяся между Дахлером и Йоргенсеном. Я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к качке, ощущая неистовую вражду двух норвежцев и задаваясь вопросом, что можно с этим сделать. Держать их подальше друг от друга на таком маленьком судне не было никакой возможности. Позволить им контактировать… Придется постоянно за ними следить, вот и все. Я вскочил с койки и, поднявшись на палубу, обнаружил Йоргенсена за штурвалом, а Дахлера в рубке, из которой он пристально наблюдал за

своим недругом. Похожая на пергамент кожа Йоргенсена казалась бледнее обычного. Он переводил взгляд с нактоуза на вымпел на мачте и обратно, стараясь не смотреть на Дахлера. Даже здесь, на палубе, несмотря на сильный ветер, заставлявший «Дивайнер» то взлетать на гребни волн, то скатываться с них вниз, напряжение между двумя мужчинами казалось физически ощутимым.

– Мистер Дахлер, – обратился я к калеке. – Теперь, когда вы поправились, возможно, вы сможете присоединиться к моей вахте?

– Хорошо, – отозвался он.

– Моя вахта сейчас внизу, – напомнил ему я.

Он только улыбнулся.

– Мне и наверху хорошо, – ответил он. – А моему животу уж точно намного лучше.

Поэтому я тоже остался на палубе. Впрочем, я понимал, что это бесполезно. Если Дахлер захочет сидеть и смотреть на Йоргенсена, он сможет делать это в любое время, когда вахта правого борта будет дежурить наверху. Я смог бы присматривать за ними только в том случае, если бы они оба были в моей вахте. Должен же я был когда-то спать.

В ту ночь моя вахта сменилась с дежурства в двенадцать часов. Прогноз передавал штормовое предупреждение практически для всего побережья Британских островов. Ветер теперь дул с юго-запада, и во время нашей вахты мы перекинули паруса. Впервые с того времени, как мы вышли из устья Темзы, яхта кренилась на правый борт. Я закрепил бизань-парус, чтобы он не лег на грот.

– Следи за ветром, – напутствовал я Дика. – Я не думаю, что ветер снова поменяется, но если это произойдет, тебе придется быстро перекинуть паруса обратно.

Когда я спустился вниз, Дахлер уже ушел в свою каюту. Под его дверью виднелась полоска света. Джилл и Уилсон пили чай, сдобренный ромом. Девушка налила кружку чая и для меня.

– Рома? – спросила она и долила напиток в кружку, не дожидаясь моего ответа.

Ее лицо было очень бледным, а глаза лихорадочно блестели.

Я взял из ее рук кружку и приподнял ее в приветствии.

– Ваше здоровье! – произнес я, наблюдая за ней поверх ободка кружки.

Как только Уилсон вышел из каюты, она произнесла срывающимся и неестественно высоким голосом:

– Вы собираетесь заключить сделку с мистером Йоргенсеном, Билл?

– Что вы имеете в виду? – вместо ответа поинтересовался я.

– Так мне сказал мистер Дахлер, – ответила она. – Он сказал, что вы с Йоргенсеном объединяетесь против Джорджа Фарнелла.

– Против Джорджа Фарнелла… – Я уже ничего не понимал. – Джордж Фарнелл умер, – напомнил я ей.

Она кивнула.

– Я так и сказала мистеру Дахлеру. Но он только добавил: «Не потеряй Гансерта – вот и все».

– Он попросил вас поговорить со мной?

– Не то чтобы попросил, но… – Она заколебалась. Затем она шагнула ко мне и взяла меня за локоть. – Билл, мне страшно. Не знаю почему. На яхте сегодня что-то происходит. Все на взводе. Все задают вопросы.

– Кто задает вам вопросы? – спросил я.

– Утром это был Йоргенсен. А днем Кертис. Вы чуть ли не единственный, кто ни о чем меня не спрашивает. – Неожиданно она засмеялась. – Вместо этого я расспрашиваю вас. Так как насчет Йоргенсена?

– Я приму решение, когда доберусь до Норвегии, – ответил ей я. – А сейчас вам лучше лечь и поспать.

Она кивнула и одним глотком допила чай. Я подождал, пока у нее в каюте не вспыхнет свет, после чего выключил освещение в кают-компании и направился к себе.

Я мертвецки устал и уснул не раздеваясь, едва лег на койку. Яхту качало на волнах, как колыбель, и я осознавал это даже во сне, что усиливало ощущение полного комфорта и спокойствия. Мне снилось что-то мягкое, темно-пурпурное и бархатное, а еще раскачивающиеся на ветру верхушки деревьев. Потом покачивание изменилось. Оно замедлилось и стало более тяжелым. Яхта сотрясалась с каждым натиском волн. Она кренилась все сильнее и ужаснее. При каждом крене я цеплялся за одеяла и за край койки. Внезапно я проснулся и понял, что должен подняться на палубу. Я ощущал это даже внизу, у себя в каюте. Ветер вдавливал яхту в море. На ней было слишком много парусов. Я сунул ноги в морские ботинки. Море приподнимало яхту и снова ее опускало, и я ощущал ее нежелание подниматься на гребень очередной волны.

Я открыл дверь своей каюты. В кают-компании горел свет. У трапа я остановился и прислушался. Из-за спины доносились громкие голоса людей, которые по очереди кричали друг на друга. Я обернулся и заглянул в щелку приотворенной двери. Йоргенсен и Дахлер стояли напротив друг друга, разделенные обеденным столом.

– *Sa det er det De tenker a gjore, hva?* – угрожающе низким голосом произнес Йоргенсен.

Судно качнуло, и он схватился за опору. У него за спиной распахнулась дверь каюты Джилл. Она была полностью одета. Видимо, ее разбудила их ссора.

– *De far ikke anledning,* – по-прежнему по-норвежски продолжал Йоргенсен. – *Sa fort vi kommer til Bergen skal jeg fa Dem arrestert*.

– Арестовать его?! – воскликнула Джилл. – Почему вы хотите, чтобы его арестовали? Что он сделал?

– Во время войны продавал врагу секреты, – ответил ей Йоргенсен.

– Я вам не верю, – запальчиво воскликнула она.

Я распахнул дверь кают-компании.

– Мистер Йоргенсен, попрошу вас подняться на палубу, – окликнул я норвежца. – Необходимо убавить парусов.

Я не стал дожидаться его ответа, быстро взбежав по трапу. Оказавшись наверху, я увидел, что ночь превратилась в бушующую и завывающую водную бездну. Хватаясь за поручни, я добрался до сгрудившейся в рубке горстки людей. Было ясно, что еще немного – и штормовой ветер окончательно превратится в бурю. Я ощущал, как с каждой секундой его вес все сильнее налегал на яхту и всех, кто на ней находился.

– Дик! Пора опускать паруса. Этот кливер явно лишний.

– Я как раз собирался это сделать, – отозвался он.

Дрогнувший голос выдал его тревогу. Он понимал, что должен был сделать это раньше. На палубе появился Йоргенсен, а вслед за ним и Джилл. Поднялся по трапу и Дахлер. Я мысленно выругался. Калеке на палубе было точно не место. Но беспокоиться о нем у меня не было времени. Сам будет виноват, если его смоет за борт, решил я. Кертис стоял у штурвала.

– Держите ее на фордевинде, – приказал я ему. – Дик, бери Картера и бегом на бушприт. Йоргенсен, вы со мной.

Мы начали пробираться вперед. Волны и ветер неистово раскачивали судно. Дик и Картер уже были на бушприте. Джилл возилась с креплением кливера. Мы начали поспешно опускать паруса, но их было слишком много, и я чувствовал, как ветер относит нас в море.

В свете закрепленного на мачте прожектора мы начали опускать топсель. Но его заклинило, и ветер швырнул его на гафель грота. Полотнище паруса запуталось. Мы бросились его высвобождать, но тут я ощутил, что ветер сменил направление.

– Кертис, – крикнул я, – лево руля, или нас развернет! Ветер меняется.

Но он уже заметил опасность и повернул штурвал.

– Не волнуйся о курсе! – крикнул я. – Главное – держи по ветру.

– Хорошо! – крикнул он в ответ.

В этом и заключается главная опасность движения в фордевинд, особенно ночью. Грота-гик сильно поднят, и если ветер неожиданно меняет направление или вы незаметно для себя сбиваетесь с курса, то неожиданный порыв ветра способен резко развернуть яхту, буквально вырвав мачту из гнезда. Допустить этого, разумеется, нельзя.

Мы снова попытались поднять топсель. Но его заклинило намертво, и, чтобы справиться с ним, нам был необходим дополнительный вес.

– Кертис! – позвал я. – Передайте штурвал Джилл. И идите к нам.

Он тоже налег на фал, после чего нам удалось высвободить парус, разорвав при этом полотно. Раздался треск, и парус резко пошел вниз.

– Держите его! – завопил я.

На нас уже обрушилось хлопающее и развевающееся на ветру полотнище. Мы пытались его собрать, но оно хлестало нас по рукам и лицам. В это мгновение я скорее ощутил, чем заметил разворот яхты. Я высвободился из-под паруса как раз вовремя, чтобы увидеть, как ветер надувает заднюю шкаторину грота. Громадина паруса выгнулась в противоположную сторону. Грота-гик начал разворачиваться.

– Осторожно! – заорал я. – Йоргенсен! Ложитесь! Скорее!

Он обернулся, глядя на правый борт.

– Пригнитесь! – снова крикнул я. – Все!

Йоргенсен поднял руку, защищаясь от удара, но тут же был сбит с ног, растянувшись во весь рост на крышке люка, на которой стоял. Я почувствовал, что яхта выровнялась, схватил полотнище в охапку и растянулся на палубе. Уже в следующее мгновение грота-гик качнулся в противоположную сторону, вырвав из моих рук парус. Я ощутил, как надо мной пронеслась вся его огромная масса, и услышал отчаянный крик Джилл. Яхта снова резко накренилась, и гик с плеском погрузился в волны, обдав нас фонтаном брызг. Раздался треск, потрясший весь корпус яхты до самого основания, и я услышал грохот посуды в камбузе под нами. Левый бакштаг вырвало из фальшборта, и он с громким лязгом вонзился в паутину снастей.

Йоргенсен поднялся. Его лицо побелело и изменилось до неузнаваемости. Я стащил топсель с Дика, Кертиса и Картера. К счастью, пострадал только Кертис. Похоже, его зацепило по плечу. Я предоставил Дику заниматься раненым и бросился на корму. Но Йоргенсен оказался проворнее. У штурвала стоял Дахлер. Его лицо застыло, превратившись в бледную маску. Йоргенсен схватил его за воротник куртки и попытался оторвать от штурвала.

На мгновение мне показалось: еще немного – и он швырнет калеку за борт. Я громко закричал. Йоргенсен размахнулся и изо всех сил ударил Дахлера кулаком в лицо. Дахлер перестал упираться. Все его мышцы обмякли, и он повис на штурвале.

– Отойдите от него, Йоргенсен! – крикнул я. – Вы не имеете права так поступать. Дахлер ни в чем не виноват. Он не моряк. Кертис не должен был пускать его к штурвалу.

– Ни в чем не виноват, говорите? – Йоргенсен засмеялся странным срывающимся смехом. – Это не было случайностью, – произнес он. – Спросите у мисс Сомерс.

Я посмотрел на Джилл.

– Что случилось? – спросил я.

Но, похоже, девушка была так напугана, что не могла произнести ни слова. Она замерла, глядя на неподвижное тело Дахлера.

Глава 3
Голос «Хвал Ти»

Был ли этот разворот яхты нечаянным или намеренным, этого я не знал. И времени задумываться над этим в тот момент у меня не было. Штурвал заклинило, потому что на нем повисло тело Дахлера. Грот продолжал болтаться на мачте, и ветер с ревом трепал его во все стороны. Из-за того что левого бакштага у нас теперь не было, а правый провис, мачту кренило от каждого порыва ветра. Я слышал, как она стонет, нависая над грохочущим морем, захлестывающим палубу яхты. Я поднял Дахлера, высвободив штурвал, и сунул его в рубку. Затем я принялся изо всех сил вращать штурвал вправо, чтобы развернуть яхту против ветра.

– Выбирайте гика-шкот, Йоргенсен! – закричал я, когда болтающийся гик качнулся в сторону палубы.

Каким-то образом нам удалось привести яхту в крутой бейдевинд и кое-как натянуть правый бакштаг. Поставив к штурвалу Джилл, мы с Йоргенсеном предприняли попытку зарифить грот и отремонтировать левый бакштаг. Ранение Кертиса оказалось нетяжелым, но гик рассек ему плечо, и, как только на палубе появился Уилсон, я отправил майора вниз.

– Заберите с собой Дахлера, – попросил я его. Неожиданно вспомнив, что изначально у штурвала стоял он, я поинтересовался: – Я приказал вам передать штурвал Джилл. Почему вы пустили к нему Дахлера?

– Джилл не было в рубке, – ответил он. – Я увидел, что у вас заклинило парус, и как только я встал из-за штурвала, рядом со мной тут же оказался Дахлер. Как-то раз он уже управлял яхтой. Правда, это было днем. Но я решил, что не будет ничего страшного, если я передам штурвал ему. Тем более что это высвобождало Джилл. Я не знал…

– Все в порядке, – остановил его я. – Спускайтесь вниз и обработайте рану. Дахлера уложите в постель. Я загляну к нему попозже.

Почти час ушел у нас на то, чтобы все отремонтировать и привести яхту в порядок. На всякий случай я взял два рифа. Яхта, похоже, пострадала не очень сильно, но, чтобы рассмотреть, что случилось с верхним такелажем, необходимо было дождаться утра. Когда мы наконец снова легли на курс, я отправил Джилл вниз помочь Кертису забинтовать руку, а к штурвалу поставил Йоргенсена. Дик с помощниками укладывали паруса. Я сделал запись в журнале и сверил курс по компасу. Свет от нактоуза позволял разглядеть в темноте лицо Йоргенсена.

– Почему вы ударили Дахлера? – спросил я. Он не ответил, и я добавил: – Этот человек – калека. Ему нельзя было доверять штурвал в такую погоду. У него бы не хватило сил его удержать. – Йоргенсен продолжал упрямо молчать. – Вы думаете, он сделал это специально? – не выдержал я.

– А вы как думаете? – спросил он.

Я вспомнил, как Йоргенсен стоял на крышке люка и тянулся вверх. Если бы я не ощутил, что яхту вот-вот развернет, и не успел его предупредить, гик смел бы его за борт. Он сломал бы ему ребра и вышвырнул его тело за леера ограждения. Если бы Дахлер хотел избавиться от Йоргенсена…

– Это было досадное недоразумение и случайность! – неожиданно разозлился я.

– Случайность? – засмеялся он. – Дахлер управляет яхтами всю свою жизнь. Это не было случайностью, мистер Гансерт. Вы слышали, о чем мы говорили в кают-компании, перед тем как подняться на палубу?

– Вы угрожали его арестовать, – ответил я. – Но это не доказывает, что он пытался… подвергнуть вас опасности.

– Кажется, вы хотели произнести слово «убить»? – Он перехватил штурвал. – Давайте называть вещи своими именами, – продолжал он. – То, что сделал Дахлер, было покушением на убийство.

Он произнес это таким тоном, что у меня мороз пополз по коже.

Мне трудно было поверить в то, что Дахлер мог пытаться его убить. Тем не менее он сидел здесь и видел Йоргенсена, который стоял на люке. И у него в руках было средство убийства. Достаточно было повернуть штурвал, и разворот был неизбежен. Случайность. Никто не сумел бы доказать обратное. И, учитывая перепутанные паруса и изорванные снасти, спасти Йоргенсена мы точно не смогли бы. Это было бы нетрудно понять, если бы Дахлер был новичком. Совсем незадолго до того, как Дахлер встал к штурвалу, Кертис по недосмотру едва не сделал то же самое. Но если он управлял яхтами всю жизнь…

Я толкнул дверь кают-компании. Кертис натягивал на себя свитер. Джилл была в камбузе и подметала осколки разбившейся посуды.

– Как ваше плечо? – спросил я у Кертиса.

– Нормально, – отмахнулся он. – Немного онемело, вот и все.

– Дахлер у себя в каюте?

– Да, он уже пришел в себя. Разбитая губа и синяк на скуле, ничего страшного. Зачем Йоргенсену понадобилось его бить? Странная парочка, вы не находите? Они ненавидят друг друга до глубины души.

Я вошел в каюту Дахлера. Свет был включен. Он сидел на койке, опершись спиной на подушку и промокая кровь с губы. Я закрыл дверь. Он обернулся на этот звук, продолжая прижимать к лицу носовой платок.

– Ну что? Много я бед натворил?

– Достаточно, – кивнул я. – Почему вы встали к штурвалу, если не знаете, как управлять яхтой?

– Я был рядом, когда вы позвали Райта на помощь, – ответил он. – Я помочь вам не мог, а Джилл Сомерс могла. Поэтому я занял место Райта у штурвала. И я умею управлять яхтой, мистер Гансерт. К сожалению, я не делал этого с тех пор… с тех пор, как случилось вот это. – Он кивнул на свою парализованную руку. – Яхта накренилась под порывом ветра, и штурвал вырвало у меня из рук.

– Йоргенсен считает, что вы сделали это намеренно.

– Я это уже понял. – Он снова промокнул губу. – Вы тоже так думаете? – Его темные глаза в упор смотрели на меня. В расширенных зрачках отражалась лампочка.

– Я готов поверить вам на слово, – ответил я.

– Я спросил вас, мистер Гансерт, считаете ли вы, что я сделал это намеренно?

Я колебался, не зная, что ответить.

– Я не знаю, – наконец произнес я. – Незадолго до этого происшествия Йоргенсен пригрозил позаботиться о том, чтобы вас арестовали. Да и вы не особенно пытаетесь скрывать свою ненависть в его адрес.

– Почему я должен это скрывать, если я действительно его ненавижу?

– Но из-за чего? – спросил я.

– Из-за чего? – внезапно повысил голос Дахлер. – Из-за того, что он со мной сделал. Посмотрите на это. – Он снова сунул мне под нос свою усохшую руку. – Это все Йоргенсен, – прорычал он. – Посмотрите на мое лицо. Тоже Йоргенсен. До войны я был здоров и счастлив. У меня были жена и бизнес. Я был наверху. – Он вздохнул и снова откинулся на подушку. – Это было до войны. Кажется, что прошло очень много времени. Я занимался морскими грузоперевозками. У меня был каботажный флот и четыре танкера, снабжавшие «Дет Норске Стаалселскаб». А потом в Норвегию вторглась Германия. Я отправил танкеры в британские порты. Несколько каботажных судов затонули, другим удалось уйти. Но боль-

шая часть флота продолжала работать. И пока Йоргенсен развлекал немецкое командование в Осло, я работал на освобождение моей страны. Мой дом в Алверструммене был убежищем для британских агентов. Моя контора в Бергене стала пунктом сбора парней, тайно покидавших страну. Но внезапно на мой дом совершили налет. Там находился британский агент, которого тут же арестовали. Меня также бросили в тюрьму в Бергене. Там было не так уж и плохо. Жена могла приезжать на свидания, а я занимался переплетом книг. Но затем нас отправили на каторжные работы. Я попал в Финсе. На самой вершине Йокулена немцы решили построить аэродром. Вы когда-нибудь слышали об этом монументе немецкой тупости?

– Йоргенсен что-то об этом говорил… – начал я.

– Йоргенсен! – воскликнул он. – Что может знать об этом Йоргенсен? Он был для этого слишком умен.

Наклонившись вперед, он дотянулся до своей куртки и достал из кармана сигарету. Его пальцы дрожали. Я видел, что Дахлер на взводе. Он говорил без умолку в попытке успокоиться. А я слушал, потому что мне впервые удалось его разговорить, а в Финсе он общался с Джорджем Фарнеллом.

– Значит, вы не знали об этом проекте на Йокулене? Похоже, в Англии об этом вообще не слышали. Во время войны случается очень много странного, но почти никто за пределами стран, где происходит то или иное событие, об этом так и не узнает. В Норвегии о немцах и Йокулене знают все. Это уже давно превратилось в анекдот. – Он помолчал и добавил: – Но для тех, кто там работал, все было очень серьезно. – Он наклонился ко мне и схватил меня за руку. – Вам известна высота Йокулена?

Я покачал головой.

– Это самая высокая точка Хардангервидды. Высота 1876 метров. Это ледник, всегда укрытый льдом. Только безумцы могли вообразить, что им удастся построить там летное поле. Ветер сдувал снег в огромные горы. Они гнали трактора с тяжелыми железными колесами на самую вершину. А когда они поняли, что круглые колеса только уплотняют снег, они сделали их восьмигранными. Там были расщелины, которые они пытались засыпать опилками. Это и в самом деле уморительный анекдот. Но нам приходилось там наверху работать, а зимой на Йокулене температура порой понижается до пятидесяти градусов мороза. – Все это он говорил очень быстро, но внезапно откинулся на подушку и закрыл глаза. – Вы знаете, сколько мне лет, мистер Гансерт?

Определить его возраст было невозможно.

– Нет, – ответил я.

– Чуть больше шестидесяти, – сообщил он. – Тогда мне было пятьдесят четыре. И если бы не Бернт Ольсен, я бы никогда не спустился вниз. Он вывел шестерых. Запихнул нас в клети из-под авиационных двигателей… На берегу озера Финсе немцы испытывали, как работают эти двигатели в ледниках на морозе. Люди из Сопротивления на лодке перевезли нас из Бергена на остров Федье. А несколько дней спустя нас забрали англичане.

Это была совершенно невероятная история. Видимо, он заметил мое удивление, потому что произнес:

– Это случилось позже. – Он снова показал свою усохшую руку. – После того как я приехал в Англию. Отсроченная реакция. Паралич. Моя жена умерла, когда я был в Финсе. – Он приподнялся на локте. – Все это, мистер Гансерт, потому, что Йоргенсену был нужен мой флот. Это был семейный бизнес, основанный моим отцом. После моего ареста немцы все конфисковали. Йоргенсен основал компанию и выкупил у них все корабли. И вы еще спрашиваете, почему я ненавижу этого типа? – Он, как будто обессилев, откинулся на подушки и сделал очередную затяжку. – Помните, что я вам сказал? Норвежец опасен только тогда, когда он норвежский бизнесмен.

– Как насчет Фарнелла? – спросил я. – Что делал в Финсе он?

Его веки дрогнули, и он посмотрел на меня.

– Фарнелл? – Внезапно он расхохотался. – Вы, англичане, совсем как бульдоги. Никогда не выпускаете того, что попало вам в зубы. Вы способны пропустить мимо ушей все, что угодно, сосредоточившись на том, что важно для вас. Лично вам, Гансерт, нет никакого дела до того, что я вам рассказывал. Вам на это наплевать, верно? Я рассказываю вам историю о несправедливости, о том, как один человек уничтожил другого, – с внезапной горячностью в голосе воскликнул он. – Но все, о чем вы думаете, это… Да ладно уж, – вдруг устало прошептал он. – Я вам расскажу. Фарнелл работал в Бергене на железной дороге. Он устроился на сортировочную станцию Финсе под именем Бернт Ольсен. Он работал на Сопротивление и, рискуя жизнью, вывез нас оттуда. Теперь я хотел бы ему помочь. Если смогу.

– Чем вы ему поможете, если он умер? – спросил я.

– Если умер… что ж, тогда ничем. Но если он жив… Моя жизнь окончена. У меня нет будущего. У меня ничего нет. Когда оказываешься в таком положении, мистер Гансерт, риск уже не страшит и можно многое себе позволить…

– Например, можно попытаться кого-то убить, – подсказал ему я.

Он улыбнулся.

– Вы все еще пытаетесь понять, был ли этот разворот случайностью или нет? Йоргенсен считает, что я сделал это намеренно, верно? – Он усмехнулся. – Пока я жив, он теперь всегда будет задаваться этим вопросом – спрашивать себя, что это за шум раздался за окном, спрашивать себя, не суждено ли ему внезапно умереть насильственной смертью. – Он начал нервно теребить край одеяла. – Фарнелл много знал о Йоргенсене. Если бы только мне удалось найти Фарнелла. Йоргенсен убежден в том, что Фарнелл умер?

Он закрыл глаза.

Тут отворилась дверь и вошла Джилл с кружкой крепкого мясного бульона.

– Как он? – спросила она у меня.

Дахлер сел на койке.

– Спасибо, я в полном порядке, – резко ответил он.

Она подала ему кружку.

– Выпейте это, – сказала она. – А потом попытайтесь уснуть.

Я вышел вслед за ней из каюты и затворил за собой дверь.

– Мы должны позаботиться о том, чтобы рядом с ним всегда кто-нибудь был, когда поблизости находится Йоргенсен, – произнес я.

Она кивнула.

– Это было случайностью или нет? – спросил я.

– Я не знаю.

Она отвернулась и быстро пошла к камбузу.

Я схватил ее за локоть.

– Вы видели то, что произошло. Во всяком случае, в этом уверен Йоргенсен. Что это было – случайность или покушение на убийство?

Она поморщилась, услышав это ужасное слово.

– Я не знаю, – повторила она.

Я выпустил ее руку.

– Похоже, у него достаточно оснований для ненависти, – произнес я. – Как бы то ни было, отныне я рисковать не собираюсь.

Она скрылась за дверью камбуза. Я развернулся и по трапу поднялся на палубу. Едва я оказался наверху, как ветер навалился на меня всей своей массой. Добравшись до поручня, я всмотрелся в темноту. Море было всклокочено гневными волнами, которые злобно шипели всякий раз, когда яхта взлетала на гребень. Каждая волна являла собой борьбу между судном

и морем, и иногда море выигрывало схватку, с треском врываясь на борт и вскипая на палубе. Йоргенсен все еще сидел за штурвалом. Дик укрылся в рубке и сидел нахохлившись рядом с Кертисом.

– Какая у нас скорость? – поинтересовался я у него.

– Около семи узлов.

– Вы видели Дахлера? – спросил Йоргенсен.

– Да, – ответил я.

– Что он говорит?

– Он говорит, что это было случайностью, – ответил я. – Штурвал оказался для него слишком тяжелым.

– Он лжет.

– Возможно, – ответил я. – Но вы не убедите в этом присяжных. То, что он калека и у него только одна рука, – неоспоримый факт. – Я обернулся к Дику. – Вам пора отдыхать, – сообщил ему я. – Наша очередь.

Йоргенсен, не говоря ни слова, передал мне штурвал. Я проследил за ним взглядом до самого трапа.

– Присматривай за ним, Дик, – произнес я. – Если мы не будем начеку, один из них очутится за бортом.

– Как я погляжу, не любят они друг друга, – произнес он. – Я угадал?

– Судя по тому, что ты ничего не заметил, не так уж сильно, – отозвался я. – Ты не против пару ночей поспать в кают-компании?

– В качестве сторожевого пса? Ладно уж. Но я должен тебя предупредить, Билл, что, когда я закрываю глаза, по мне может промаршировать полк убийц, а я и глазом не моргну.

С этими словами он спустился вниз, а я остался один в ревущей и неистово раскачивающейся ночи. Сидя за штурвалом, я чувствовал, как «Дивайнер» рвется вперед, разрезая воду, то приподнимаясь на волне, то соскальзывая по ее гребню. Ветер увлекал яхту все глубже в непроглядный мрак. Это было зловещее зрелище. Красный и зеленый ходовые огни озаряли паруса неземным сиянием, рассыпая вокруг демонически фосфоресцирующие искры. У меня в мозгу всплыла музыка из «Проклятия Фауста». Зловещий спуск в ад… Если бы Берлиоз включил в свое произведение сцену, когда Харон переплавляется через Стикс, то именно такое освещение он бы и использовал. Передо мной были идеальные декорации для чего-то ужасного! Я подумал об этих двух людях – Йоргенсене и Дахлере, – ненавидящих и одновременно страшащихся друг друга. Я громко рассмеялся. А я был так доволен собой, когда мне удалось перехитрить Йоргенсена, убедив его проплыть с нами по Темзе. В данный момент я был готов на многое ради того, чтобы вернуть себе возможность высадить его в Гринвиче.

Угрюмое течение моих мыслей было прервано появлением Джилл.

– Как Дахлер? – спросил я у нее.

– Спит, – ответила она, усаживаясь рядом со мной. – Он совершенно выбился из сил.

– А Йоргенсен? – поинтересовался я.

– Ушел к себе. А Дик устроился в кают-компании. – Она вздохнула и откинулась назад, опершись спиной о стену рубки. Бледный овал ее лица смутно виднелся в тусклом свете нактоуза. Вся остальная ее фигура представляла собой темную охапку свитеров и непромокаемого плаща. Время от времени нас обдавало брызгами, и мои глаза саднило от соленой воды.

– Устали? – спросил я.

– Немного, – сонным голосом отозвалась она.

– Почему бы вам не спуститься вниз? – предложил я. – На этой вахте мы больше не будем переставлять паруса.

– Я лучше побуду здесь, – ответила она. – На свежем воздухе.

Вскоре на палубу поднялся Уилсон и принес нам по кружке обжигающего кофе. После того как мы его выпили, потянулись оставшиеся три часа вахты. Один раз мы заметили ходовые огни дрифтера. Все остальное время яхта стремилась вперед, в бездну непроглядной тьмы. Сон давил нам на веки, и нам приходилось предпринимать отчаянные усилия, чтобы его отогнать. В четыре утра мы позвали вахту правого борта. Низкие тучи засветились едва заметным серебристым сиянием, позволив различить очертания постоянно настигающих нас волн.

Нас ожидал последний полный день в море. Ветер стихал, и море стало успокаиваться. При свете дня мы не выявили особых повреждений в снастях и снова поставили паруса. К полудню выглянуло водянистое солнце, и мне удалось уточнить местоположение яхты. Мы находились в тридцати милях к западу от норвежского порта Ставангер. Я изменил курс, приняв на одиннадцать румбов восточнее.

Весь этот день Дахлер не выходил из своей каюты. Джилл сообщила мне, что он находится в состоянии нервного истощения, а также страдает от морской болезни и недостатка пищи. Я заглянул к нему в полдень, сразу после обеда. Воздух в каюте был спертый, и дышать там было совершенно нечем. Дахлер лежал с закрытыми глазами. Под грязной щетиной его лицо казалось бы совсем серым, если бы не фиолетовый синяк на скуле и красная вспухшая губа. Я подумал, что он спит, но едва отвернулся, чтобы уйти, как он открыл глаза.

– Когда мы будем в Норвегии? – поинтересовался он.

– Завтра на рассвете, – ответил я.

– Завтра на рассвете, – медленно повторил он.

То, как он это произнес, заставило меня понять, что означает для него эта информация. Он очень давно не видел свою страну. Более того, в последний раз он был здесь в качестве заключенного, фактически раба, которого немцы заставили работать в горах на высоте более пяти тысяч футов. И покинул он ее тайком. Я представил себе ужасное путешествие, которое ему, должно быть, пришлось предпринять по железной дороге, когда их перевозили в Берген спрятанными в ящики, в которых должны были находиться немецкие авиадвигатели. Затем последовало плавание на остров и наконец последний отрезок пути на английском торпедном катере. И теперь он впервые после побега возвращался домой, где ему грозил арест. Внезапно мне стало его очень жаль.

– Нам может повстречаться пароход, идущий из Бергена в Британию, – произнес я. – Если это случится, возможно, стоит им посигналить, чтобы приняли вас на борт?

Он резко сел.

– Нет! – воскликнул он. – Нет. Я не боюсь. Я норвежец. Ни Йоргенсен, ни кто-либо еще не помешает мне вернуться в свою страну. – В его глазах светилась одержимость. – Куда вы направляетесь? – спросил он.

– Фьерланд, – ответил я.

Он кивнул и снова откинулся на койку.

– Отлично. Я должен найти Фарнелла. Понимаете, он знает правду. Существовали записи. Члены Сопротивления вели записи того, что происходило между немцами и теми норвежскими гражданами, кого они подозревали в сотрудничестве с оккупантами.

Я не смог снова напомнить ему, что Фарнелл умер. В таком взвинченном состоянии, в котором он находился, это не привело бы ни к чему хорошему. Он снова закрыл глаза, и я вышел, бесшумно притворив за собой дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.